

Въ краткомъ введеніи (стр. 1—12) характеризуется русское паломничество на православный Востокъ до начала XIX в. и въ первой половинѣ сего вѣка. Отличительную особенность русскаго паломничества на православный Востокъ въ первой половинѣ XIX в. авторъ видитъ въ томъ, что въ немъ замѣтно заявляетъ о себѣ научная сторона дѣла.

Въ первой главѣ (стр. 13—85) заключается библиографическій очеркъ паломнической литературы первой половины XIX в., при чемъ разсматриваются сохранившіеся отъ этого времени паломническія произведенія со стороны особенностей содержанія ихъ и изданій.

Во второй главѣ (стр. 87—187) сообщаются краткія біографическія свѣдѣнія о лицахъ, предпринимавшихъ у насъ паломническія путешествія на православный Востокъ въ первой половинѣ XIX в., а именно о слѣдующихъ: 1) братьяхъ дворянахъ Вешняковыхъ и купцѣ Михаилѣ Новиковѣ; 2) Георгіи Пименовѣ; 3) офицерѣ Лебединцевѣ; 4) Кирѣ Бронниковѣ; 5) А. Н. Муравьевѣ; 6) А. С. Норовѣ; 7) инокѣ Пароенинѣ; 8) А. Уманцѣ; 9) преосв. Порфиріи Успенскомъ; 10) святогорцѣ Серафимѣ; 11) схимонахѣ Селевкинѣ; 12) гр. Н. В. Адлербергѣ; 13) игуменѣ Черемнецкаго монастыря Антоніи Бочковѣ и 14) преосв. Софоніи. — Въ біографіяхъ паломниковъ авторъ обращаетъ особенное вниманіе на тотъ періодъ ихъ жизни, когда они путешествовали на православный Востокъ, и на обстоятельства сихъ путешествій.

Въ главѣ третьей (стр. 188—252) содержится общая характеристика русскаго паломничества на православный Востокъ въ первой половинѣ XIX в., при чемъ авторъ обращаетъ особенное вниманіе на научную сторону его, какъ именно на отличительную черту тоговременнаго паломничества.

Таково содержаніе сочиненія студента Подобѣдова.

Сочиненіе составлено на основаніи внимательнаго и усерднаго изученія литературы предмета. Планъ сочиненія правильный. Сочиненіе даетъ полный отвѣтъ на поставленный во-
Протоколы.

прось. Изложение сочинения удовлетворительное. Какъ кандидатская диссертация, сочинение можетъ быть признано очень хорошимъ“.

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора, протоіерея І. Королькова:

„Сочинение студента Подобѣдова состоитъ изъ введенія и трехъ главъ изслѣдованія.

Во введеніи авторъ представляетъ краткую характеристику паломниковъ и паломничества русскихъ на православный Востокъ, показывая различіе въ описаніяхъ св. мѣстъ нашими путешественниками древняго времени и позднѣйшаго (первой половины 19 в.).

Въ 1 главѣ авторъ перечисляетъ паломническія сочиненія, появившіяся у насъ въ первой половинѣ 19 вѣка, во второй — передаетъ біографическія свѣдѣнія о русскихъ паломникахъ означеннаго времени, наконецъ въ третьей представляетъ общую характеристику какъ самаго паломничества, такъ и паломническихъ сочиненій первой половины 19-го вѣка.

Авторъ достаточно ознакомился съ паломническою литературою и съ біографіями нашихъ паломниковъ, изложилъ свои свѣдѣнія въ строго-хронологическомъ порядкѣ, языкъ сочиненія, за весьма немногими исключеніями, довольно выработанный, ясный и правильный. Его сочинение читается легко и съ интересомъ.

Къ числу недостатковъ или пробѣловъ настоящаго труда мы относимъ слѣдующее:

1) во введеніи авторъ представляетъ очень краткую характеристику сочиненій прежнихъ паломниковъ. Слѣдовало бы нѣсколько подробнѣе сказать о такихъ выдающихся паломникахъ, какъ Арсеній Сухановъ и Григоровичъ-Барскій. Нашему автору какъ будто остались неизвѣстными солидные труды, посвященные этимъ паломникамъ (напр. Бѣлокурова, Гиляревскаго, Пыпина), и онъ только въ 9 строкахъ сказалъ, притомъ довольно обще, объ Арсеніи Сухановѣ и Григоровичѣ-Барскомъ.

2) Расположеніе главъ настоящаго сочиненія—первой и второй—слѣдовало бы сдѣлать наоборотъ, т. е. сначала слѣдовало бы изложить біографическія свѣдѣнія о паломникахъ, а потомъ уже говорить объ ихъ сочиненіяхъ (какъ обыкновенно дѣлается въ подобныхъ изслѣдованіяхъ). При настоящемъ же порядкѣ читатель сначала знакомится съ паломническою литературою, а потомъ уже съ біографіями паломниковъ. Поневолѣ приходится при чтеніи 1-й главы обращаться за справками ко 2-й, а при чтеніи 2 главы обращаться къ первой.

Впрочемъ, не смотря на указанныя недостатки, сочиненіе г. Подобѣдова можно признать очень хорошею кандидатскою диссертациею“.

21) О сочиненіи студента Виктора *Покровскаго* на тему: „Постановленія Моисеева законодательства о субботнемъ и юбилейномъ годахъ“.

а) Доцента, священника А. Глаголева:

„Сочиненіе, кромѣ введенія (о сущности постановленій о субботнемъ и юбилейномъ годѣ, задача изслѣдованія и литература предмета), состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ: 1) изложенія самыхъ статей Моисеева законодательства о субботнемъ и 2) юбилейномъ годахъ; 3) обзорѣнія историческихъ судебъ законоположеній о нихъ и 4) изложенія законовъ Мишны о субботнемъ годѣ. Построенное по плану естественному, опредѣляемому самою сущностью темы и предмета сочиненія, послѣднее въ достаточной мѣрѣ исчерпываетъ и обнимаетъ главныя черты предмета. Содержаніе въ общемъ умѣло извлечено изъ источниковъ и изложено—съ положительной и критической стороны—удовлетворительно; сужденія автора вообще достаточно устойчивы. Немногіе отдѣльные пункты, правда, могли бы быть рѣшены нѣсколько иначе: авторъ, напр., едва-ли правъ, когда законъ объ отпущеніи рабовъ, Исх. 21 гл., относитъ къ субботнему году,—тогда какъ, по прямому смыслу и контексту этой главы, законъ этотъ отношенія къ институту субботняго

года не имѣлъ, являясь скорѣе однимъ изъ переживаній традиціоннаго, до Моисеева права.

Не лишне было бы поставить разсматриваемые авторомъ институты съ связъ съ другими явленіями въ системѣ ветхозавѣтной теократіи; авторъ ограничивается лишь намеками, неопредѣленными общими указаніями на эту связъ. Впрочемъ, краткость времени, имѣвшася въ распоряженіи у автора студента, совершенно оправдываетъ относительную узость постановки у него дѣла.

И въ настоящемъ своемъ видѣ сочиненіе во всякомъ разѣ выполняетъ свою задачу вполне удовлетворительно, а потому по справедливости должно быть признано заслуживающимъ искомой ученой степени кандидата богословія“.

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора О. Покровскаго:

„Задачу своего сочиненія авторъ опредѣляетъ такъ: „представить постановленія субботняго и юбилейнаго годовъ въ истинномъ свѣтѣ, доказать несправедливость нѣкоторыхъ мнѣній о нихъ, указать на ихъ связъ съ недѣльной субботой и уяснить ихъ теократическій характеръ—вотъ что составляетъ нашу задачу“. Эту задачу онъ выполняетъ собственно въ двухъ главахъ своего изслѣдованія: 1) „субботній годъ по постановленіямъ Моисеева законодательства“ и 2) „юбилейный годъ по постановленіямъ Моисеева законодательства“, къ которымъ потомъ присоединяются еще двѣ главы: 3) „исторія субботняго и юбилейнаго годовъ“ и 4) „субботній годъ по талмуду“. Задача выполнена достаточно. Постановленія закона изложены ясно, истинный смыслъ ихъ достаточно разъясненъ и защищенъ, указана связъ съ субботой недѣльной, и достаточно разъясненъ ихъ смыслъ именно теократическій. Третья и четвертая главы говорятъ о практикѣ Моисеева законодательства въ послѣдующей исторіи въ библейскій и послѣ-библейскій періоды.

Съ положеніями автора можно соглашаться; нѣкоторое сомнѣніе возбуждаетъ принимаемое имъ положеніе относительно того, что рабъ еврейскій долженъ быть отпускаемъ на свободу въ седьмой субботній годъ, хотя бы и не прослужилъ ему шести лѣтъ. Сочиненіе написано хорошимъ сжатымъ языкомъ. Для доставленія автору степени кандидата богословія оно удовлетворительно“.

22) О сочиненіи студента Ивана *Ракитина* на тему: „Нравоученіе св. Кипріяна, епископа Карфагенскаго“.

а) Экстраординарнаго профессора К. Попова:

„Сочиненіе Ив. Ракитина очень интересно по содержанію и методу обработки и изложенію матеріала. Въ краткомъ „введеніи“ (стр. 1—24) авторъ удачно отмѣтилъ внѣшнія и внутреннія обстоятельства (гоненія, расколы и др.), побудившія св. Кипріяна съ настойчивостію и подробностію раскрывать нѣкоторыя идеи, сдѣлавшіяся основными и объединяющими частныя нравоучительныя наставленія названнаго епископа. Нахожденіе этихъ основъ нравоученія чрезъ изученіе указанныхъ обстоятельствъ жизни Карфагенской церкви III-го вѣка и отношенія къ нимъ ея епископа дало автору возможность избѣжать искусственности въ систематизаціи нравственныхъ воззрѣній св. Кипріяна, выдѣлить изъ нихъ условное, временное отъ непреходящаго и сообщить изложенію ихъ живой интересъ. Свое изслѣдованіе г. Ракитинъ раздѣлилъ на двѣ части. Въ первой части, состоящей изъ трехъ главъ (стр. 25—154), онъ подробно изложилъ нравоученіе св. Кипріяна, пользуясь часто словами этого епископа и лишь изрѣдка предлагая критическія замѣчанія и поясненія. Въ этой части преобладаетъ, очевидно, методъ излагательный; въ ней авторъ не только знакомитъ читателя съ нравоученіемъ св. Кипріяна, но и подготавливаетъ матеріалъ для 2-й части своего сочиненія. Эта послѣдняя заключаетъ въ себѣ (стр. 157—161) подробное и многостороннее

критическое разсмотрѣніе правоученія св. Кипріяна; въ этой части онъ предложилъ характеристику св. Кипріяна, какъ моралиста, и критическую оцѣнку „отрицательнаго взгляда“ на его правоученіе, обозначилъ источники, коими пользовался этотъ епископъ при изъясненіи нравственныхъ христіанскихъ истинъ (слово Божіе и церковн. письменность съ 1-го до половины 3-го вѣка), объемъ его правоученія, методъ въ его раскрытіи и его значеніе для настоящаго времени.

Авторъ основательно изучилъ творенія Кипріяна и его предшественниковъ со стороны заключающихся въ нихъ (писаніяхъ) христіанскаго правоученія. Онъ пользуется и изслѣдованіями, относящимися къ предмету его сочиненія, но удачно охраняетъ свое сочиненіе отъ компилятивности. Все сочиненіе написано хорошимъ литературнымъ языкомъ. Въ этомъ сочиненіи слѣдовало бы, можетъ быть, нѣчто опустить или сократить, а нѣчто прибавить или распространить. Но вообще разсмотрѣнное сочиненіе, какъ видно изъ всего сказаннаго о немъ, даетъ автору его полное право на полученіе степени кандидата богословія“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора П. Линицкаго:

„Въ первой части этого сочиненія правоученіе св. Кипріяна Карфагенскаго излагается, а во второй—обсуждается и оцѣнивается.

Въ изложеніи правоученія св. Кипріяна авторъ не слѣдуетъ обдуманному и, соображенному съ отличительными чертами излагаемаго ученія, порядку, почему не получается яснаго общаго взгляда на это ученіе. Матеріи, имѣющія связь между собою, изложены раздѣльно; такъ напр., разсужденія о богатствѣ и милостынѣ слѣдовало бы изложить вмѣстѣ, а равно трактатъ о зависти и зложелательствѣ слѣдовало связать съ ученіемъ о терпѣніи, такъ какъ св. отецъ признавалъ терпѣніе важнѣйшимъ средствомъ противъ означеннаго порока. Понятіе о мірѣ въ правоученіи св. Кипріяна двойственно по своему

значенію: міръ—вселенная и міръ—человѣчество, пребывающее внѣ церкви (царство—діавола). Авторъ, хотя и указываетъ на это, однако не разграничиваетъ должнымъ образомъ указаннаго имъ самимъ двоякаго значенія въ понятіи о мірѣ, а потому ученіе о мірѣ, въ изложеніи автора, является не яснымъ, сбивчивымъ (оба значенія смѣшиваются).

Напрасно авторъ не обратилъ вниманія на то—какая идея въ нравоученіи св. Кипріяна есть господствующая. Такая идея несомнѣнно есть,—это именно мысль о единствѣ церкви и вытекающее изъ этой мысли стремленіе къ единству жизни христіанской. Задача нравоученія—указать средства и способы къ осуществленію такого единства жизни.

Вторая часть сочиненія также состоитъ изъ замѣчаній и разсужденій отрывочныхъ, не связанныхъ никакою руководящею мыслью. Авторъ считаетъ особою заслугою св. Кипріяна болѣе точное и опредѣленное—сравнительно съ прежнимъ временемъ—изложеніе ученія о церкви, что однако не показано въ самомъ изложеніи нравоученія; а то, что говоритъ авторъ о значеніи нравоученія св. Кипріяна для настоящаго времени, относится вообще къ христіанскому ученію и потому приложимо ко всѣмъ отцамъ церкви и ни съ какой стороны не характеризуетъ собственно нравоученія св. Кипріяна. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ авторъ достаточно ознакомился съ писаніями св. отца и съ нѣкоторыми изслѣдованіями по предмету своего сочиненія, и если не съ особеннымъ искусствомъ, то по крайней мѣрѣ съ несомнѣннымъ усердіемъ сдѣлалъ то, что могъ сдѣлать, при чемъ также обнаружилъ и соотвѣтственную усердію къ дѣлу настроенность, то справедливость требуетъ признать студента Ив. Ракитина заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

23) О сочиненіи студента Виктора *Родникова* на тему: „Первая книга Маккавеевъ. Исагогическое изслѣдованіе“.

а) Доцента В. Рыбинскаго:

„Сочиненіе г. Родникова начинается предисловіемъ, въ которомъ дѣлается краткое обозрѣніе русской и иностранной

литературы, посвященной изученію I кн. Маккавеевъ, а затѣмъ указываются задачи, методъ и планъ предпринимаемаго авторомъ изслѣдованія. Во введеніи къ сочиненію описывается политическое и духовное состояніе іудейскаго народа наканунѣ Маккавейскаго возстанія, являющагося предметомъ повѣствованія разсматриваемой книги. Самое изслѣдованіе состоитъ изъ пяти главъ, при чемъ вторая раздѣлена на три отдѣла, и третья на два. Въ первой главѣ сочиненія трактуется о названіи книги и излагается въ существенныхъ чертахъ ея содержаніе. Во второй главѣ изслѣдуется вопросъ о происхожденіи книги, и въ частности, объ авторѣ книги, времени и мѣстѣ ея написанія, объ источникахъ, которыми пользовался писатель и объ оригинальномъ текстѣ книги. Главные выводы, къ которымъ приходитъ авторъ сочиненія при изслѣдованіи указанныхъ вопросовъ, таковы: I кн. Маккавеевъ есть произведеніе іудея саддукея, написана вскорѣ послѣ смерти Іоанна Гиркана, въ Палестинѣ, и составлена съ цѣлью апологіи асмонейскаго дома; книга написана при пользованіи многочисленными письменными источниками, которые объединены авторомъ въ одно цѣльное произведеніе, имѣющее опредѣленный планъ и идею; оригинальнымъ текстомъ книги долженъ быть признанъ еврейскій, но открытые въ недавнее время Хвольсономъ фрагменты еврейскаго текста I кн. Маккавеевъ, признаваемые Швейцеромъ за фрагменты оригинала, только представляютъ свободную и позднѣйшую репродукцію Маккавейской исторіи, въ основу каковой репродукціи положена латинская версія книги. Въ третьей главѣ сочиненія авторъ занимается исторіей книги. Здѣсь излагаются свидѣтельства о I Макк. у Іосифа Флавія и въ отеческой письменности, а затѣмъ, во второмъ отдѣлѣ главы, разсматриваются переводы греческій, латинскій, сирскій, славянскій и русскій. Четвертая глава сочиненія представляетъ обстоятельный трактатъ объ историческомъ характерѣ I кн. Маккавеевъ, при чемъ авторъ считаетъ повѣствованіе книги достовѣрнымъ и защищаетъ его отъ нападеній различныхъ библеистовъ. Въ чет-

вертой же главѣ говорится о книгѣ, какъ памятникѣ современнаго ея написанію духовнаго развитія іудейства. Въ заключительной пятой главѣ рассматривается вопросъ о каноническомъ значеніи книги. Въ приложеніи къ сочиненію помѣщены двѣ таблицы варіантовъ греческихъ кодексовъ и славянскихъ.

Изъ сказаннаго видно, что сочиненіе студ. Родникова имѣетъ богатое содержаніе и раскрываетъ данную тему со всѣхъ сторонъ. Сочиненіе написано съ знаніемъ дѣла. Авторъ не только хорошо пролитуировалъ относящуюся къ I Макк. литературу, но и нашелъ время ознакомиться съ рукописнымъ славянскимъ текстомъ и съ сирскимъ языкомъ. Выводы вездѣ сдѣланы съ основательностью и съ соблюденіемъ правильныхъ научныхъ приѣмовъ. Критика ведется въ сочиненіи въ хорошемъ тонѣ, мысли излагаются отчетливо и простымъ, чуждымъ витіеватости и затянутости, языкомъ. Послѣ нѣкоторыхъ дополненій и поправокъ въ расположеніи матеріала, а также въ нѣкоторыхъ частныхъ сужденіяхъ и отдѣльныхъ выраженіяхъ сочиненіе могло бы быть напечатано съ пользою для нашей отечественной литературы, въ которой еще не имѣется ученаго изслѣдованія о I кн. Маккавеевъ.

Какъ кандидатская диссертация, сочиненіе г. Родникова весьма удовлетворительно“.

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора О. Покровскаго:

„Сочиненіе г. Родникова исagogического характера и занимается вопросами, обычными въ сочиненіяхъ такого рода. Хорошее изученіе текста книги въ переводахъ греческомъ, латинскомъ, сирскомъ, славянскомъ и русскомъ въ ихъ различныхъ редакціяхъ и широкое знакомство съ литературою предмета дають возможность автору быть хозяиномъ своего дѣла. Вопросы, ставимые имъ для изслѣдованія, рассматриваются обстоятельно и получаютъ такое рѣшеніе, съ которымъ можно соглашаться. Особенно можно отмѣтить здѣсь рѣшеніе вопроса

объ авторѣ книги, каковымъ онъ признаетъ саддукея, — о первоначальномъ текстѣ, каковымъ путемъ анализа греческаго текста онъ признаетъ еврейскій, но не тотъ, отрывки котораго нашель Хвольсонъ въ 1896 году; этотъ послѣдній авторъ признаетъ послѣ тщательнаго анализа репродукцію еврейскаго текста, сдѣланною на основаніи латинскаго перевода. Можемъ отмѣтить тщательный анализъ переводовъ латинскаго, сирскаго и славянскаго, долженствующій показать зависимость первыхъ двухъ отъ греческаго перевода и первоначальную зависимость послѣдняго (славянскаго) отъ латинскаго перевода; позднѣйшія исправленія славянскаго текста и русскій переводъ показываютъ уже постепенное приближеніе ихъ къ греческому тексту. Обстоятельно защищаетъ авторъ историческій характеръ книги, ея достовѣрность, хотя и не преувеличиваетъ ея, допуская въ ней возможность ошибокъ особенно относительно не іудейской исторіи и односторонность писателя — саддукея въ вопросахъ эсхатологическихъ и мессіанскихъ. Церковное значеніе книги опредѣляется для автора отсутствіемъ ея въ еврейскомъ канонѣ и нахожденіемъ въ греческомъ кодексѣ библіи: она книга неканоническая. Приложенныя въ концѣ сочиненія двѣ таблицы вариантовъ предназначены для того, чтобы нагляднымъ образомъ доказать положенія автора, установленныя имъ при сравненіи текстовъ. Есть въ сочиненіи недосмотры и ошибки, но они незначительны и могутъ быть легко устранены. Сочиненіе написано хорошимъ языкомъ и читается легко и съ интересомъ. На русскомъ языкѣ изслѣдованіе г. Родникова первое сочиненіе, посвященное тщательному исagogическому изслѣдованію первой Маккавейской книги. Уже и по этому, не говоря объ указаннымъ выше внутреннимъ достоинствамъ, сочиненіе его является цѣннымъ вкладомъ въ русскую библейскую литературу и можетъ быть съ пользою напечатано.

Какъ сочиненіе на ученую богословскую степень, оно должно быть признано весьма хорошимъ“.

24) О сочиненіи студента Ивана *Смалья* на тему: „Родство, какъ препятствіе къ браку“.

а) И. д. доцента О. Мищенко:

„О родствѣ, какъ препятствіи къ браку, писано уже не мало, но весьма существенный вопросъ о причинахъ запрещенія браковъ въ родствѣ научно почти не выясненъ. Какая спутанность понятій по этому вопросу, можно видѣть хотя бы изъ того, что мнѣніе, будто законодательство противъ браковъ въ родствѣ основано всецѣло на соображеніяхъ фізіологіи и гігіены, мнѣніе, не оправдываемое ни современной конструкціей законодательства, ни исторіей его, является не только популярно признанной догмой, но повторяется даже такими спеціалистами брачнаго права, какъ напр. проф. Павловымъ.

Уяснить этотъ вопросъ и составляло главную задачу работы студента И. Смалья.

Предлежавшую ему задачу, на мой взглядъ, Смаль разрѣшилъ удачно. Изслѣдованіе свое онъ ставитъ на историческую почву, уясняя не тотъ смыслъ, какой можно придать закону, но тотъ, какой фактически дала ему исторія, и отыскивая причины, вызвавшія появленіе и поддерживавшія существованіе этого закона въ исторіи. Прежде всего Смаль излагаетъ мнѣнія, какія когда либо высказывались по вопросу о внутреннемъ смыслѣ закона противъ браковъ въ родствѣ. Относительно фізіологическаго мотива онъ, между прочимъ, высказывается, что если даже законъ о бракахъ въ родствѣ и имѣетъ гігіеническое значеніе, то исторически законодательство по этому предмету никогда не строилось, да и теперь не строится на соображеніяхъ гігіены или фізіологіи. Законъ о бракахъ въ родствѣ, по мнѣнію Смалья, имѣетъ свое основаніе въ самомъ понятіи семьи: браки въ близкомъ родствѣ (т. е. въ нѣдрахъ семьи) должны неизбѣжно вносить спутанность и ломку въ строй семейныхъ отношеній,—поэтому, семья изъ чувства самосохраненія должна быть противъ такихъ браковъ. Подтвер-

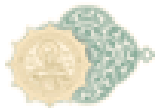
жденіемъ этого взгляда, говорить Смаль, будетъ служить изложеніе исторіи изслѣдуемаго предмета. Такъ какъ рассматриваемый законъ дохристіанскаго происхожденія, то, въ поискахъ источныхъ началъ его, Смаль основательно выступаетъ за предѣлы христіанской исторіи въ глубь отдаленной древности. Прежде всего онъ излагаетъ разныя гипотезы соціологовъ о происхожденіи этого закона. Это—1-я глава. Во второй главѣ излагаются уже историческія свѣдѣнія объ отношеніи къ родству древнихъ народовъ, особенно евреевъ, грековъ и римлянъ. Въ третьей—исторія закона въ греко-восточной церкви съ краткой замѣткой о католикахъ и протестантахъ; въ четвертой—родство въ Россіи.

Сочиненіе является результатомъ тщательнаго изученія первоисточниковъ и умѣлаго пользованія соприкосновенной литературой. Первые главы болѣе самостоятельны, чѣмъ послѣднія. Обиліе фактическаго матеріала, обширность литературы могли представлять для автора большой соблазнъ написать сочиненіе пространное и великое, но Смаль, имѣя въ виду, что цѣнность его работы главнымъ образомъ въ обобщеніи и освѣщеніи матеріала, проявилъ достойное похвалы стремленіе къ краткости. Всю черновую работу онъ оставилъ у себя въ ящикѣ и представилъ читателю результатъ трудовъ своихъ въ сжатомъ изложеніи всего на 20 листахъ. Сочиненіе литературно обработано, читается легко и съ интересомъ. Солидность подготовительной работы видна вездѣ въ цитации и между строкъ сочиненія, давая чувствовать, что здѣсь дѣло имѣемъ не съ бѣглымъ очеркомъ, а съ рѣчью хорошо освѣдомленнаго чловека. Но, похвалиая автора за краткость, должно сказать, что онъ иногда злоупотребляетъ уже ею. Нѣкоторыя выраженія у него имѣютъ характеръ общихъ фразъ; въ изложеніи исторіи опущено кое-что такое, что могло бы содѣйствовать уясненію сути дѣла. Кромѣ того, по мѣстамъ авторъ ведетъ исторію свою тономъ объективнаго повѣствователя, какъ бы забывая о главной цѣли своей работы—уясненіи причинъ обозрѣваемыхъ

фактовъ. Правда, взятая въ цѣломъ, изложенная исторія вполне обосновываетъ высказанный въ началѣ сочиненія взглядъ, но дѣло было бы яснѣе, если бы взглядъ этотъ былъ опредѣленнѣе проведенъ въ самомъ изложеніи исторіи. Но эти недостатки легко могутъ быть восполнены, и указываются только на случай желанія автора гдѣ нибудь напечатать свое сочиненіе. Легко написанное и обнимающее въ обобщеніи существенные факты исторіи сочиненіе Смаля, если бы сдѣлалось достояніемъ большаго круга читателей, чѣмъ официальные рецензенты, могло бы содѣйствовать уясненію имѣющаго живой интересъ вопроса и послужить дѣлу популяризаціи научныхъ знаній“.

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Олесницкаго:

„Въ небольшомъ сочиненіи студента Смаля есть и историческая часть, есть и общее разсужденіе о смыслѣ запрещенія браковъ въ близкомъ родствѣ. Могъ авторъ итти и аналитическимъ путемъ при рѣшеніи своего вопроса, изложивъ сперва исторію и затѣмъ сдѣлавъ обобщенія историческихъ фактовъ и выяснивъ и доказавъ на основаніи ихъ смыслъ запрещенія браковъ въ родствѣ. Но онъ предпочелъ синтетическій путь, занявшись сперва (въ первой главѣ) выясненіемъ смысла запрещенія браковъ въ родствѣ и давъ обѣщаніе подтвердить послѣ (во второй, третьей и четвертой главахъ) все сказанное имъ исторіей. Началъ авторъ выясненіе смысла запрещенія браковъ въ родствѣ хорошо. Онъ сдѣлалъ вѣрную и удовлетворительную оцѣнку—фізіологическихъ, соціальныхъ и нравственныхъ основаній для запрещенія браковъ въ близкомъ родствѣ. Но окончилъ онъ рѣчь свою нехорошо. Въмѣсто того, чтобы твердо стоять на томъ основаніи, которое онъ самъ призналъ главнымъ для запрещенія браковъ въ родствѣ, именно нравственномъ, онъ вдругъ оставилъ его и призналъ въ заключеніи главнымъ основаніемъ только „стремленіе предотвратить путаницу въ отношеніяхъ родственниковъ между собою“. Разсмотрѣнныя выше фи-

зіологическое, соціальное и нравственное основанія теперь явились у него только „добрыми слѣдствіями“. Вышла какая-то каноническая номенклатура, лишняя всякаго реального содержанія и всякаго нравственнаго основанія. Въ главѣ о смыслѣ запрещенія браковъ въ родствѣ помѣщено и „ученіе соціологовъ о развитіи семьи“, — хотя это уже нѣчто другое. — Излагая исторію запрещенія браковъ между родственниками (во второй, третьей и четвертой главахъ), авторъ не исполнилъ обѣщанія подтвердить историческими фактами общее разсужденіе свое (въ первой части) о смыслѣ запрещенія браковъ между родственниками. Запрещенія браковъ между родственниками у различныхъ народовъ и въ различныя времена передаются имъ просто въ видѣ фактовъ, безъ объясненія смысла ихъ. Хотя такимъ образомъ и въ содержаніи сочиненія г. Смаля и отчасти въ расположеніи его есть кое какіе недостатки, но отдѣльныя главы и части главъ довольно удовлетворительно разработаны и изложены, потому авторъ ихъ можетъ быть признанъ заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

25) О сочиненіи студента Виктора *Смирнова* на тему: „Пастырскія посланія XV в., ихъ форма, содержаніе и отношеніе къ церковной проповѣди того времени“.

а) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Малинина:

„Сочиненіе студента Смирнова состоитъ изъ довольно обширнаго введенія, трехъ частей изслѣдованія и заключенія. Во введеніи представленъ обзоръ пастырскихъ посланій предшествующаго времени, начиная съ принятія христіанства въ Россіи. Введеніе это, несомнѣнно стоившее автору большого труда, необходимо было ему для того, чтобы легче и яснѣе представить особенности формы и содержанія пастырскихъ посланій XV вѣка.

Самая интересная первая часть изслѣдованія, въ которой рѣчь идетъ о формѣ посланій XV вѣка. Авторъ обстоятельно выяснилъ вступительную часть посланій, особенности и зна-

чение разнаго рода обращеній и титуловъ, новизну этихъ обращеній и титуловъ, вызванную свойствами эпохи. Тотъ же методъ примѣняется авторомъ къ разбору заключительной части пастырскихъ посланій XV вѣка. Эта часть сочиненія вполне самостоятельна и написана съ знаніемъ дѣла.

Часть II разсматриваетъ пастырскія посланія XV в. со стороны содержанія съ раздѣленіемъ ихъ на нравоучительныя (глава II), полемическія (глава III) и на посланія, написанныя по вызову обстоятельствъ политической жизни данной эпохи, богатой великими событіями, вліявшими на жизнь не только своего, но и послѣдующаго времени.

Часть III разсматриваетъ отношеніе пастырскихъ посланій XV в. къ современной имъ церковной проповѣди. Авторъ приходитъ къ выводу, что пастырскія посланія даннаго времени то стояли рядомъ съ произведеніями проповѣднаго слова того времени, то замѣняли ихъ.

Въ общемъ сочиненіе студента Смирнова представляетъ трудъ добросовѣстный, исполненный съ любовію и пониманіемъ дѣла. Если картина нравственной жизни мірянъ и духовенства не представляетъ полноты, то потому лишь, что авторъ считалъ долгомъ держаться въ границахъ избраннаго матеріала и темы.

Языкъ сочиненія не всегда легокъ, но правиленъ.

Для полученія степени кандидата богословія диссертация студента Смирнова вполне удовлетворительна².

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора С. Голубева:

„Содержаніе и составъ сочиненія слѣдующіе.

Послѣ краткаго предисловія, гдѣ, между прочимъ, перечисляются источники и пособія, коими авторъ пользовался, слѣдуетъ довольно обширное введеніе, посвященное краткому обзору посланій отъ XI по XIV в. включительно. Такое расширеніе темы мотивируется заявленіемъ, что всякій видъ литературныхъ памятниковъ не появляется сразу готовымъ, сформировав-

шимся, и выработка его (въ данномъ случаѣ выработка пастырскихъ посланій) имѣть свою исторію, только ознакомленіе съ которою можетъ дать автору надлежащее основаніе при обслѣдованіи главнаго предмета сочиненія.

Изслѣдованіе о пастырскихъ посланіяхъ XV вѣка раздѣляется авторомъ на три части.

Въ первой изъ нихъ трактуется о формѣ сихъ посланій.

Вторая посвящена обзорѣнію содержанія посланій и подраздѣляется на три главы, изъ коихъ первая трактуетъ о посланіяхъ содержанія нравоучительнаго, вторая—о посланіяхъ полемическихъ, а третья—о политическихъ.

Въ третьей части уясняется отношеніе пастырскихъ посланій XV вѣка къ церковной проповѣди того же времени.

Сочиненіе заканчивается *заключеніемъ*, гдѣ авторъ въ общихъ чертахъ указываетъ на результаты, къ которымъ привело его обслѣдованіе пастырскихъ посланій разсматриваемаго времени и выясняетъ литературное и историческое значеніе сихъ памятниковъ. Пастырскія посланія XV в., по словамъ автора, „суть дѣтища своего времени, вызваны имъ и отразили жизнь его. Въ нихъ мы можемъ найти все, чѣмъ жило и что волновало общество того времени“.—Разумѣется, это справедливо, или—точнѣе—*почти* справедливо. Отсюда естественно требованіе, чтобы такого рода памятники разсматривались въ связи съ общимъ ходомъ историческихъ событій, при исторической обстановкѣ. Означенное требованіе авторъ имѣетъ въ виду, но выполняетъ его не всегда съ надлежащею полнотою и обстоятельностью, а по мѣстамъ и совершенно уклоняется отъ него. Это, разумѣется, дефектъ, но въ значительной степени извиняемый обширностію темы. Другой дефектъ—недосмотры, зависѣвшіе, по всей вѣроятности, отъ спѣшности работы. Такъ, напр., на 226 стр. авторъ говоритъ, что послѣ Куликовской битвы власть Орды надъ Русью была только номпнальной, а фактически уже прекратилась,—и на той же и слѣдующихъ страницахъ самъ же опровергаетъ себя.

Въ общемъ трудъ автора—трудъ старательный и добросовѣстный. Для степени кандидата признаю его удовлетворительнымъ“.

26) О сочиненіи студента Сергѣя Сотина—на тему: „Св. Кипріанъ, еп. Карѳагенскій, какъ пастырь и учитель о пастырствѣ“.

а) Экстраординарнаго профессора Н. Маккавейскаго:

„Сочиненіе студента Сергѣя Сотина представляетъ довольно обширную монографію (XVI + 426 стр.), посвященную обзорѣ жизни и пастырской дѣятельности св. Кипріана Карѳагенскаго, отъ рожденія до мученической кончины его, а равно и пастырскаго ученія его, насколько послѣднее выразилось въ его твореніяхъ.

Свой трудъ авторъ предваряетъ „Введеніемъ“, опредѣляющимъ практическое значеніе его, и раздѣляетъ, совершенно естественно, на двѣ части.

Въ первую изъ нихъ, болѣшую по объему, входятъ пять главъ. Здѣсь обзрѣваются жизнь и дѣятельность св. Кипріана періодически до гоненія Декія (гл. 1), отъ начала этого гоненія до появленія въ церкви расколовъ (гл. 2), во время расколническихъ движеній въ Карѳагенѣ и Римѣ (гл. 3), отъ воцаренія Галла до начала гоненія Валеріана (гл. 4) и наконецъ—до мученической кончины св. Кипріана. Общей характеристикой всей дѣятельности его, какъ пастыря церкви, эта часть заканчивается.

Во второй части, послѣ предварительнаго краткаго очерка пасторологической литературы до Кипріана, авторъ излагаетъ пастырскія воззрѣнія этого отца церкви по отдѣльнымъ вопросамъ пасторологіи, группируя ихъ въ извѣстную систему. Въ заключеніи дѣлается краткая оцѣнка всего пасторологическаго ученія св. Кипріана сравнительно съ тѣмъ, что было дано въ этой области до него и съ указаніемъ значенія его для нашего времени.

Авторъ работалъ по источникамъ, но были въ его распоряженіи, особенно для первой части его труда, и хорошія пособія—спеціальныя изслѣдованія Реттберга, Рейтмейера, Ричля и изъ русскихъ—А. Молчанова. Послѣдній, пользовавшійся въ своемъ трудѣ почти тѣмъ же самымъ ученымъ аппаратомъ, несомнѣнно, долженъ былъ во многомъ стѣснить самостоятельность С. Сотина. Отсюда получилось неизбежное сходство во многихъ пунктахъ у обоихъ авторовъ. Сходство это было бы менѣе значительно, если бы Сотинъ, по крайней мѣрѣ, старался избѣгать приводить выдержки изъ твореній Кипріана, тождественныя съ приведенными Молчановымъ.

Сравнительно новый матеріалъ далъ нашему автору Ричль, вызывавшій его много разъ, своимъ толкованіемъ личности и дѣятельности св. Кипріана, на апологетическія замѣчанія. Такая апологетическая тенденція разсматриваемаго сочиненія, несомнѣнно, весьма похвальна; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ желательно было бы видѣть болѣшую обстоятельность въ обслѣдованіи защищаемаго положенія.

Пользуясь твореніями Кипріана, авторъ вездѣ цитируетъ ихъ по Patrol. Curs. Complet. Миня, между тѣмъ приводимыя имъ буквальные выдержки берутся изъ имѣющагося русскаго перевода твореній св. отца. Желательна была бы и соответствующая цитация ихъ, которая давала бы возможность читателю скорѣе и легче оріентироваться въ указываемомъ мѣстѣ. Кстати, она внесла бы и свою долю различія въ работу нашего автора отъ таковой же Молчанова.

Авторъ придалъ бы болѣшую цѣнность своему труду, если бы внесъ въ него критическое обозрѣніе тѣхъ изслѣдованій по данному вопросу, какія были въ его пользованіи.

Во второй части разсматриваемаго сочиненія обозрѣніе пасторологической литературы до Кипріана могло быть представлено нѣсколько полнѣе. Съ другой стороны, пастырское ученіе самого Кипріана не вездѣ даетъ достаточно матеріала для наполненія тѣхъ отдѣловъ, какія намѣчаются авторомъ.

Однако все указываемое нами должно быть понимаемо лишь какъ *desiderata* — на случай дальнѣйшихъ работъ автора въ области взятаго имъ интереснаго вопроса. Все это отнюдь не умаляетъ труда Сотина, какъ кандидатской диссертациі. И въ настоящемъ видѣ сочиненіе его, не смотря на существующія изслѣдованія по тому же вопросу, представляетъ значительную цѣнность. Авторъ далеко не вездѣ слѣдовалъ имъ, стараясь даже и тамъ, гдѣ это оказывалось неизбѣжнымъ для него, внести въ свой трудъ возможный элементъ самостоятельности. Послѣдній особенно ясно выступаетъ въ отношеніи его къ изслѣдованію Ричля, а также и во всей второй части его труда. Написано сочиненіе по естественному плану, языкомъ вполне литературнымъ. Вообще, какъ кандидатская диссертациа, по моему мнѣнію, оно вполне удовлетворительно“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Дроздова:

„Сочиненіе г. Сотина состоитъ изъ двухъ частей. Предметомъ первой части служить жизнь и пастырская дѣятельность св. Кипріана, а предметомъ второй — ученіе св. Кипріана о пастырствѣ. Такъ какъ первая часть имѣетъ характеръ біографіи, которая достаточно разработана не только въ иностранной, но отчасти и въ русской литературѣ, то авторъ пользуется здѣсь большею частью готовыми результатами этихъ работъ и иногда повторяетъ такіа мнѣнія и сужденія, которыя имѣютъ сомнительный характеръ или же прямо оказываются несостоятельными при сличеніи съ документальными данными, какъ, напр., мнѣніе Реттберга, Геттэ и друг. о тождествѣ пресвитера Цецилія (или Цециліана), склонившаго Кипріана къ принятію христіанства, съ тѣмъ Цециліемъ, который былъ обращенъ въ христіанство Октавіемъ, и преніе котораго съ послѣднимъ описано у Минуція Феликса (стр. 10), или такого рода заключеніе, что по рескрипту императора Траяна „каждый, называвшій себя послѣдователемъ Христа, подвергался *одному штрафу*, который назначался вообще за открытое исповѣданіе всякой незакон-

вой религіи (стр. 40—41)“. Въ послѣднемъ случаѣ ошибка автора произошла, по всей вѣроятности, вслѣдствіе неправильнаго пониманія нѣмецкаго текста въ одномъ изъ пособій. Но большею частью авторъ относится къ пособіямъ съ должною осторожностію и критическимъ тактомъ, стараясь провѣрять разнообразныя и нерѣдко противорѣчивыя мнѣнія изслѣдователей и выяснять несостоятельность тѣхъ нападеній, которымъ дѣятельность св. Кипріана подвергается въ протестантской критикѣ. Болѣе интереса представляетъ вторая часть, составляющая результатъ самостоятельнаго тщательнаго изученія твореній св. Кипріана и отчасти предшествующей святоотеческой литературы. Но группировка матеріала здѣсь не вполне удачна, вслѣдствіе чего авторъ не избѣжалъ повтореній. Къ недостаткамъ сочиненія слѣдуетъ отнести также то, что авторъ пользовался твореніями св. Кипріана въ изданіи Миня, совершенно оставивъ безъ вниманія капитальное научное изданіе Гартеля, имѣющееся въ нашей академической библіотекѣ. Въ общемъ же рассматриваемое сочиненіе представляетъ обстоятельное и основательное изслѣдованіе предмета и свидѣтельствуетъ о зрѣлости мысли автора и о способности его къ научно-литературному труду. Изложеніе большею частью стройное. Языкъ за исключеніемъ немногихъ мѣстъ чистый и легкій. Сужденія автора здравыя. Направленіе доброе. Какъ кандидатская диссертация, трудъ г. Сотина можетъ быть признанъ, по моему мнѣнію, очень хорошимъ“.

27) О сочиненіи студента Александра *Стальмашевского* на тему: „Огласительныя и тайноводственные поученія св. Кирилла Іерусалимскаго“.

а) Доцента С. Песоцкаго:

„Сочиненіе студента А. Стальмашевского состоитъ изъ введенія и четырехъ главъ. Во введеніи авторъ высказываетъ общія соображенія о тѣхъ историческихъ обстоятельствахъ жизни

церковной II—III вѣковъ, которыя вызывали заботу христіанской церкви о надлежащемъ приготовленіи принимавшихъ христіанство,—говорить объ оглашеніи вообще и перечислять источники и пособія для своей работы. Въ первой главѣ излагается жизнь св. Кирилла Іерусалимскаго, высказывается общее сужденіе о немъ, какъ объ учителѣ церковномъ, и даются свѣдѣнія о поученіяхъ и другихъ писаніяхъ его, какъ сохранившихся, такъ и не дошедшихъ до насъ, о подложныхъ сочиненіяхъ, приписываемыхъ св. Кириллу, объ изданіяхъ твореній св. Кирилла и переводахъ ихъ. Во второй главѣ идетъ рѣчь снова объ оглашеніи, излагается исторія его, говорится о характерѣ и частнѣйшемъ содержаніи огласительныхъ поученій св. Кирилла, объ оглашенныхъ, о самой обрядовой сторонѣ оглашенія первыхъ четырехъ вѣковъ христіанства. Третья глава говоритъ о совершеніи въ тѣ же вѣка крещенія, миропомазанія, причащенія, объ образѣ совершенія литургіи вѣрныхъ,—по таинводственнымъ поученіямъ св. Кирилла. Наконецъ, въ четвертой главѣ дѣлается общая характеристика поученіямъ св. Кирилла и характеристика его самого, какъ катехета и церковнаго писателя.

Нельзя сказать, чтобы весь этотъ матеріалъ расположенъ былъ авторомъ въ строго логическомъ порядкѣ: въ особенности этотъ именно недостатокъ слишкомъ явно виденъ въ сочиненіи; авторъ безъ нужды значительно расширилъ количество добытаго имъ матеріала въ ущербъ стройности сочиненія. Изложеніе сочиненія заставляетъ желать лучшаго: шероховатости, неловкости, неточности выраженія—составляютъ не очень рѣдкое явленіе въ сочиненіи; непріятное впечатлѣніе производятъ и частыя сравнительно описки, оставшіяся неисправленными.

Если же обратить вниманіе на внутреннюю сторону сочиненія, то нельзя не признать, что авторъ хорошо ознакомился съ предметомъ своего сочиненія и использовалъ его для своей цѣли достаточно, привлекая къ дѣлу многое, что вызывалось или научною нужною или научнымъ интересомъ. Это такія до-

стоинства, которыя безспорно даютъ автору сочиненія полное право на полученіе степени кандидата богословія“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Пѣвницкаго:

„Авторъ употребилъ очень много труда на составленіе своего сочиненія, — больше, чѣмъ сколько требовалось его задачей. Онъ видоизмѣнилъ и безъ нужды расширилъ свою задачу и сосредоточилъ свое вниманіе не на томъ, что указывалось ему его темою. Предметъ его „огласительныя и тайноводственныя поученія св. Кирилла Іерусалимскаго“, а онъ говоритъ объ оглашеніи вообще, раскрываетъ исторію оглашенія въ первые четыре вѣка христіанства, говоритъ объ установленіи таинствъ, о которыхъ говорится въ тайноводственныхъ поученіяхъ св. Кирилла и происхожденіи обрядовъ, соблюдаемыхъ при совершеніи этихъ таинствъ. Поученія св. Кирилла, въ сочиненіи автора, имѣютъ не главное, а второстепенное значеніе, служа, вмѣстѣ съ другими данными, поясняющимъ элементомъ для исторіи оглашенія и совершенія таинствъ, — крещенія, миропомазанія и евхаристіи.

Послѣ введенія, написаннаго нѣсколько туманно, авторъ въ первой главѣ излагаетъ біографію св. Кирилла іерусалимскаго и перечисляетъ его творенія. Біографическія свѣдѣнія о св. Кириллѣ умѣстны въ его сочиненіи; но авторъ распространяется о нихъ съ излишнею подробностію, очень много говоритъ въ защиту его православія, въ виду существующихъ мнѣній о томъ, что онъ былъ склоненъ къ христіанству, вообще включаетъ въ свое сочиненіе все, что могъ найти въ литературѣ о святомъ Кириллѣ. Въ рѣчи о сочиненіяхъ св. Кирилла онъ прежде всего указываетъ его огласительныя и тайноводственныя поученія, и усиливается доказать ихъ подлинность, вдаваясь въ кропотливыя и мелочныя изысканія. Но онъ не ограничивается указаніемъ однихъ этихъ поученій, долженствовавшихъ составлять предметъ его изслѣдованія, а указываетъ и другія его сочиненія и *считаетъ не лишнимъ* (на-

прасно) упомянуть и о подложныхъ его сочиненіяхъ. Въ концѣ главы говорится объ изданіяхъ твореній святого Кирилла и о переводахъ ихъ на разные языки, и въ частности на славянскій и русскій.

Вторая глава озаглавляется: „Содержаніе огласительныхъ поученій св. Кирилла іерусалимскаго, въ связи съ исторією оглашенія христіанской церкви со временъ апостольскихъ до IV вѣка“. Содержаніе поученій св. Кирилла изложено въ этой главѣ и довольно подробно; но это изложеніе обставлено другими побочными пунктами, такъ что при чтеніи кажется, что не поученія Кирилла—главный предметъ вниманія автора. Авторъ говоритъ въ началѣ, что значить слово „оглашеніе“, и что оглашеніе состоитъ изъ двухъ совершенно самостоятельныхъ элементовъ,—наставленій и обрядовъ, затѣмъ рассказываетъ, какъ наставляли готовящихся къ крещенію во времена апостоловъ, приводя свидѣтельство въ разъясненіе своихъ положеній изъ книги Дѣяній апостольскихъ, и въ вѣка, смѣнившія вѣкъ апостольскій, пользуясь постановленіями апостольскими, и, дошедши до IV вѣка, говоритъ о содержаніи огласительныхъ поученій св. Кирилла. Но изложеніемъ содержанія этихъ поученій онъ не заканчиваетъ этой главы. Послѣ рѣчи о поученіяхъ Кирилла, онъ говоритъ, что „нельзя не упомянуть о сочиненіи блаженнаго Августина: De catechisandis rudibus“, и передаетъ кратко его содержаніе. Затѣмъ онъ очень много распространяется о тѣхъ обрядахъ, какіе соблюдались въ древнее время при принятіи въ церковь оглашенныхъ. Особенно долго останавливается онъ на заклинаніяхъ, при этомъ употребляемыхъ. Въ рѣчи о нихъ онъ замѣчаетъ, что заклинанія очень древни, и были въ употребленіи до явленія христіанства, упоминаетъ о томъ, что исцѣлялъ бѣсноватыхъ Господь Іисусъ Христосъ, и что и апостолы изгоняли бѣсовъ, получивъ власть на сіе отъ Господа, но затѣмъ прибавляетъ, что эти заклинанія не имѣли отношенія къ таинству крещенія, и послѣ этихъ разсужденій онъ разъясняетъ, что закли-

нанія вадъ лицами, имѣвшими принять крещеніе, стали совершаться съ первой половины III вѣка, и какъ они совершались, и что при этомъ должны были дѣлать и соблюдать готовящіяся къ крещенію.

Третья глава, озаглавленная: *„Содержаніе тайноводственныхъ поученій св. Кирилла, въ связи съ исторією таинствъ,—крещенія, миропомазанія и причащенія“*,—такого же характера, какъ и предыдущая. Авторъ, говоря о тайноводственныхъ поученіяхъ св. Кирилла и раскрывая ихъ содержаніе, исходною точкою и конечною цѣлю ставитъ исторію установленія таинствъ и происхожденія и видоизмѣненія обрядовъ, соблюдаемыхъ въ церкви при совершеніи таинствъ.

Послѣдняя, четвертая, глава говоритъ о св. Кириллѣ, какъ проповѣдникѣ: здѣсь указываются его проповѣдническіе приемы и опредѣляются внутреннія и ви́шнія достоинства и недостатки его огласительныхъ и тайноводственныхъ поученій. Эта глава прямо направлена къ уясненію предмета, которому посвящено изслѣдованіе автора.

Главнымъ недостаткомъ сочиненія я считаю то, что авторъ не держится строго своей темы и выходитъ за предѣлы своей задачи. Это зависѣло отъ того, что у автора подъ руками были сочиненія, по которымъ онъ хорошо познакомился съ исторією оглашенія и совершенія таинствъ въ первые вѣка христіанства, и заинтересованный этими свѣдѣніями, онъ ихъ выставилъ на первый планъ въ своемъ изслѣдованіи, ступевавъ предъ ними предметъ, указанный въ заголовкѣ его сочиненія. Но нельзя не отдать чести трудолюбію автора. Онъ перечиталъ все, что можно было найти въ литературѣ о св. Кириллѣ іерусалимскомъ, хорошо познакомился не только съ его огласительными и тайноводственными поученіями, но и съ историческими изслѣдованіями, служащими къ уясненію ихъ содержанія, и собранныя свѣдѣнія изложены въ порядкѣ,—языкомъ довольно обработаннымъ. Въ сочиненіи достаточно обнаружилъ авторъ

навыкъ и способность къ ученой работѣ, и для степени кандидата оно очень достаточно“.

28) О сочиненіи студента Янко *Теодорова* на тему: „Проповѣди Іліи Минятія“.

а) Доцента Н. Мухина:

„Небольшое по своему объему (XIV + 114 стр.), сочиненіе г. Теодорова состоитъ изъ введенія и трехъ главъ. Во введеніи авторъ въ общихъ, блѣдныхъ чертахъ изображаетъ бѣдственное положеніе Греціи подъ турецкимъ игомъ въ XV—XVII вв., состояніе просвѣщенія въ ней около того времени, когда жилъ Ілія Минятій. Въ первой главѣ сгруппированы свѣдѣнія о жизни и проповѣднической дѣятельности Минятія. II гл. посвящена разбору догматическихъ словъ Минятія, а III—разбору нравственно-назидательныхъ проповѣдей и похвальныхъ рѣчей его.

Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ указанія на бѣдность литературы, особенно русской, по вопросу о первоначальномъ воспитаніи и образованіи Іліи Минятія. „А между тѣмъ, говоритъ онъ (стр. 2), въ жизни Минятія этотъ періодъ имѣетъ существенно важное значеніе..., такъ какъ вся дальнѣйшая его жизнь есть осуществленіе завѣтныхъ идей, запавшихъ въ его душу еще въ юношескомъ возрастѣ“. Послѣ заявленій о столь важномъ значеніи для выясненія личности и дѣятельности Минятія начального періода его воспитанія и образованія, невольнo ожидаешь, что авторъ восполнитъ существующій въ литературѣ пробѣлъ по указанному вопросу и разъяснитъ, какъ вся послѣдующая жизнь Минятія раскрывалась изъ тѣхъ идей, которыя предносились ему въ дни его юности. Но приходится горько разочароваться. Авторъ не только не разъясняетъ этого, но въ своемъ біографическомъ очеркѣ пробавляется лишь тѣми скудными свѣдѣніями, которыя онъ нашелъ въ русской литера-

турѣ, воспроизводя ихъ при этомъ мѣстами съ буквальной точностью и, къ сожалѣнію, не указывая источника, откуда онъ заимствовалъ ихъ. Такъ, стр. 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, половина 13-й и 3-й представляютъ механическую переписку нѣсколькихъ страницъ (17—19) изъ изслѣдованія преосвящ. Порфирія (Успенскаго) „Проповѣдники на островахъ Средиземнаго моря“. Свѣдѣнія о жизни Іліи Минятія, сообщаемыя преосвящ. Порфиріемъ въ указанномъ изслѣдованіи, перепечатаны и помѣщены въ сборникѣ (въ началѣ его) проповѣдей Іліи Минятія въ изданіи Св. Тр. Сергіевы Лавры 1902 г., стр. V—VIII. Отсюда именно и сдѣлано авторомъ указанное заимствование. Такимъ образомъ выходитъ, что русская литература не только не бѣдна свѣдѣніями о жизни Минятія, но для автора оказалась и богатой, если онъ черпалъ изъ нея свободной и полной рукой, не опасаясь быть уличеннымъ въ этомъ. Болѣе самостоятельности авторъ проявляетъ въ анализѣ проповѣдей Минятія. Приступая къ этому анализу, авторъ говоритъ: „изученіе проповѣдей Минятія со стороны ихъ характера, содержанія и достоинства должно опираться единственно (?) на нихъ самихъ (стр. 29)“. Едва ли можно довѣрять этому заявленію автора. Руководственные замѣчанія и указанія о проповѣдяхъ Минятія авторъ находилъ все въ той русской литературѣ. По крайней мѣрѣ—насколько намъ удалось прослѣдить это—нѣкоторые обобщенія объ этихъ проповѣдяхъ заимствованы (опять безъ указанія источника) авторомъ (стр. 77, 105) буквально изъ того же изслѣдованія преосвящ. Порфирія (стр. 27—28; 29). Далѣе, разсматриваемое нами сочиненіе, какъ это бываетъ нерѣдко у начинающихъ авторовъ, не чуждо преувеличеній (стр. XII, 18, 20), а въ одномъ мѣстѣ авторъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою (ср. стр. 3 и VIII—IX). Встрѣчаются въ сочиненіи такія мысли, съ которыми нельзя согласиться. Таковы разсужденія автора о философскомъ элементѣ въ проповѣдяхъ Минятія (стр. 99—103). Мысль автора не всегда отличается надлежащей ясностью (стр. 59—60). Но, не смотря на указан-

ные недостатки, разсмотрѣнное сочиненіе, намъ кажется, все же можетъ быть признано удовлетворительнымъ для присужденія автору его искомой имъ степени кандидата богословія. Авторъ не мало потрудился надъ своимъ дѣломъ. Добытый матеріалъ онъ расположилъ по вполне естественному, строго продуманному плану. Предметъ обслѣдованъ, въ доступныхъ автору предѣлахъ, съ достаточной полнотой. Сочиненіе подкупаетъ добрымъ направленіемъ и чистотой, правильностью языка, если только послѣдняя не обязана редакторству посторонней руки“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Пѣвницкаго:

„Авторъ, въ введеніи къ своему сочиненію, изображаетъ тяжелую судьбу грековъ, послѣ паденія Константинополя, подъ иновѣрнымъ игомъ, и говоритъ о состояніи просвѣщенія у нихъ въ вѣкъ Минятія. Свѣдѣнія, здѣсь сообщаемыя, имѣютъ только косвенное отношеніе къ его темѣ, и онъ не постарался привести ихъ въ ближайшую связь съ предметомъ своего изслѣдованія.

Въ первомъ отдѣлѣ авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о проповѣдникѣ, произведенія котораго составляютъ предметъ его изслѣдованія, говоритъ о его образованіи и служеніи въ разныхъ мѣстахъ, кратко касается состоянія церковнаго краснорѣчія у грековъ въ XVI—XVIII вѣкахъ, и указываетъ достоинство проповѣдей Минятія, и въ концѣ отдѣла говоритъ объ изданіяхъ его проповѣдей и ихъ переводовъ на русскій языкъ.

Второй отдѣлъ сочиненія посвященъ изображенію содержанія проповѣдей Минятія. Авторъ указываетъ, что они отличаются общимъ характеромъ и имѣютъ малое отношеніе къ современности. Главное направленіе ихъ, по его опредѣленію, нравственно-назидательное. Но, указавши такое направленіе проповѣди Минятія, авторъ въ этомъ отдѣлѣ подробно пересказы-

васть содержаніе не правоучительныхъ, а догматическихъ его проповѣдей.

Аналізу содержанія правоучительныхъ проповѣдей Минятія посвященъ третій отдѣлъ сочиненія. Въ немъ авторъ указываетъ пункты, на которыхъ останавливается вниманіе проповѣдника, и, выставляя общій характеръ нравоученія Минятія, выискиваетъ черты современности въ обличительной части его проповѣдей. Въ этомъ же отдѣлѣ, послѣ передачи содержанія нравоучительныхъ проповѣдей Минятія, авторъ говоритъ о виѣшней сторонѣ проповѣдей Минятія и поясняетъ примѣрами любимые приемы его изложенія.

Планъ сочиненія не отличается стройностію, и авторъ не обнаружилъ силы мысли въ развитіи главныхъ положеній своего изслѣдованія. Но предметъ свой онъ изучилъ хорошо; сужденія его о дѣлѣ правильныя, хотя не всегда они излагаются съ надлежащею отчетливостію; языкъ довольно исправный, въ особенности если принять во вниманіе иностранное происхожденіе автора.

Для степени кандидата сочиненіе удовлетворительное.

29) О сочиненіи студента Виктора *Фаминскаго* на тему: „Религіозно-нравственныя воззрѣнія Л. Аннея Сенеки (философа) и отношеніе ихъ къ христіанству“.

а) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Оленицкаго:

„Обширное сочиненіе студента Фаминскаго состоитъ изъ введенія и двухъ частей, раздѣленныхъ—первая на три главы, а вторая—на двѣ. Во введеніи авторъ говоритъ о философіи въ Римѣ и ея направленіи, называя ее объективнымъ факторомъ, обусловливающимъ моральный характеръ философіи Сенеки, и о личности Сенеки и характерѣ его нравственнаго облика, съ цѣлію выясненія субъективныхъ основъ моральной философіи

его; затѣмъ—объ общемъ характерѣ философіи Сенеки, объ источникахъ для ознакомленія съ религіозно-нравственными воззрѣніями Сенеки и о трудностяхъ изложенія ихъ. Въ первой части, коснувшись сперва кратко вопроса объ отношеніи Сенеки къ религіознымъ вопросамъ вообще, авторъ излагаетъ ученіе Сенеки о Богѣ, Его природѣ и отношеніи къ міру и человѣку, какъ и объ отношеніи къ Нему человѣка, т. е. о богопочитаніи. Особенное вниманіе обращаетъ на ученіе Сенеки о провидѣніи и рѣшеніе имъ вопроса о благоденствіи порочныхъ людей и бѣдствіяхъ добрыхъ. Сдѣлавъ общій выводъ изъ всего сказаннаго въ первой главѣ, авторъ переходитъ ко второй главѣ, въ которой старается представить, по возможности, полный образъ нравственныхъ воззрѣній Сенеки. Сначала излагаетъ антропологию Сенеки, а потомъ ученіе его о высшемъ благѣ и отношеніи послѣдняго къ благамъ ви́шнимъ и къ тому, что обыкновенно называютъ зломъ. Въ послѣднемъ случаѣ особенно подробно останавливается на ученіи Сенеки о смерти и рѣшеніи имъ связаннаго съ мыслию о смерти вопроса о загробной жизни, а также на ученіи его о самоубійствѣ, занимающемъ видное мѣсто въ нравоученіи стоическаго философа; обозрѣвъ, затѣмъ, стоическое ученіе Сенеки о добродѣтели и порокахъ, останавливаетъ особенное вниманіе на мысляхъ его о всеобщей порочности и развращенности человѣчества и тѣхъ средствахъ, при помощи которыхъ человѣкъ можетъ достигнуть нравственнаго испѣленія и выздоровленія. Здѣсь особенно сосредоточивается на ученіи Сенеки о совѣсти и значеніи ея въ нравственной жизни человѣка. Заключеніемъ этой главы служить рѣчь о нравственномъ идеалѣ Сенеки—стоическомъ мудрецѣ и его свойствахъ. Все это составляетъ индивидуальную нравственность Сенеки. А такъ какъ человѣкъ не есть только индивидуумъ, но предназначенъ жить въ обществѣ, то въ третьей главѣ излагается социальная нравственность по ученію Сенеки. Здѣсь авторъ говоритъ объ обязанностяхъ человѣка по отношенію къ обществу, подъ которымъ Сенека разумѣетъ весь человѣческій родъ, и объ отношеніяхъ его къ

отдѣльнымъ членамъ общества. Сюда входятъ: ученіе Сенеки о всеобщей любви и равенствѣ, о благотворительности, о гуманномъ отношеніи къ рабамъ, также вопросъ объ отношеніи человека къ своему государству и семьѣ. Въ заключеніе этой главы, которое есть и заключеніе всей первой части сочиненія, авторъ дѣлаетъ общіе выводы, въ которыхъ констатируетъ фактъ высоты и чистоты многихъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній Сенеки, а это, естественно, приводитъ его къ вопросу—какимъ образомъ язычникъ, не знавшій истинной религіи, могъ проповѣдывать такіа высокія и чистыя идеи? Рѣшеніемъ этого вопроса авторъ занимается во второй части своего труда. Одни изслѣдователи рѣшаютъ этотъ вопросъ въ смыслѣ знакомства Сенеки съ христіанствомъ, относя, такимъ образомъ, все лучшее, что есть у философа, на счетъ этого источника, а на долю Сенеки оставляя лишь сухіе догматы стоицизма. Другіе изслѣдователи утверждаютъ, наоборотъ, что не Сенека заимствовалъ свои воззрѣнія у христіанства, а евангелисты и особенно ап. Павелъ знали Сенеку и подражали ему. Третья теорія занимаетъ среднее положеніе. По этой теоріи, христіанство и ученіе Сенеки, какъ и вообще стоицизмъ, суть два совершенно самостоятельныя, независящія другъ отъ друга явленія. Одно—результатъ работы естественныхъ силъ человека, а другое—произведеніе Откровенія. Авторъ принимаетъ эту теорію и ставитъ своею задачею обосновать ее. Въ первой главѣ (второй части) онъ обосновываетъ ее отрицательнымъ путемъ, путемъ разбора фактическихъ и раціональных данныхъ, приводимыхъ защитниками теоріи знакомства Сенеки съ христіанствомъ; а во второй—положительнымъ, путемъ показанія принципиальнаго различія религіозно—нравственной доктрины Сенеки и христіанства, съ одной стороны, и выясненія связи воззрѣній Сенеки съ воззрѣніями, выработанными предшествовающею философіей, съ другой. Предварительно же излагаетъ исторію вопроса объ отношеніи Сенеки къ христіанству.

Какъ видимъ изъ представленнаго обозрѣнія содержанія сочиненія, студентъ Фаминскій исчерпалъ предметъ свой во всей возможной полнотѣ. Въ то же время онъ изложилъ результаты своего изслѣдованія въ рѣдкой по сложности, послѣдовательности, логичности формѣ. Ничто не появляется у него раньше времени, ничто не появляется у него безъ надлежащей подготовки. На всемъ сочиненіи лежитъ печать величайшей тщательности и добросовѣстности. Нѣтъ ничего лишняго, все представлено ясно и отчетливо. Автору сослужили, конечно, великую службу многочисленныя пособія, имѣвшіяся у него въ рукахъ. Но онъ не растерялся въ этой массѣ (до 30 пособій), справился съ нею и предпочелъ то, что есть наиболѣе трезваго и правдоподобнаго въ ней. Въ виду такихъ достоинствъ не нахожу нужнымъ указывать на нѣкоторыя недоумѣнія, возникающія при чтеніи нѣкоторыхъ мѣстъ сочиненія. Можно пожелать появленія труда студента Фаминскаго въ печати. Но въ послѣднемъ случаѣ надобно потребовать, чтобы студентъ Фаминскій выправилъ знаки препинанія. Слѣдуетъ также кое-гдѣ неудачныя слова (въ родѣ „громадный“, „рискованный“, „бьющій въ глаза“) и неудачныя выраженія замѣнить болѣе удачными. Степени кандидата авторъ вполне заслуживаетъ.“

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Дроздова:

„Характеръ философіи Сенеки и въ частности его религиозно—нравственныхъ воззрѣній опредѣляется съ одной стороны объективными условіями и именно состояніемъ и направленіемъ предшествующей философіи и обстоятельствами современной Сенеки жизни, а съ другой—условіями субъективными, заключающимися въ самомъ характерѣ философа, въ индивидуальныхъ основахъ его духа. Поэтому авторъ предпосылаетъ своему обширному изслѣдованію введеніе, въ которомъ вкратцѣ очерчиваетъ общій ходъ и направленіе философіи ко времени Сенеки, излагаетъ важнѣйшіе моменты жизни и дѣятельности Сенеки, выясняетъ нравственный образъ его

и дѣлаеть общую характеристику философіи Сенеки. Самое изслѣдованіе состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ первая заключаетъ въ себѣ три главы. Въ первой главѣ, имѣющей своимъ предметомъ теологію, авторъ сначала говоритъ вообще объ отношеніи Сенеки къ религіи и затѣмъ въ частности излагаетъ ученіе Сенеки о Богѣ, Его природѣ, отношеніи Его къ міру и человѣку, равно какъ объ отношеніи человѣка къ Богу или о богопочитаніи. Предметомъ второй главы служитъ индивидуальная мораль. Здѣсь авторъ излагаетъ антропологическія воззрѣнія Сенеки (ученіе о человѣкѣ, его составѣ и духовныхъ силахъ, дѣлающихъ его нравственнымъ существомъ), ученіе его о высшемъ благѣ, о внѣшнихъ благахъ, о злѣ, смерти и самоубійствѣ, о добродѣтели, порокахъ и совѣсти и затѣмъ останавливается на высшемъ нравственномъ идеалѣ Сенеки,—на свойствахъ и качествахъ идеальнаго стоическаго мудреца. Въ третьей главѣ, предметомъ которой служитъ социальная мораль, авторъ излагаетъ воззрѣнія Сенеки на обязанности человѣка по отношенію къ обществу, подъ которымъ Сенека разумѣетъ весь родъ человѣческій, и объ отношеніи его къ отдѣльнымъ членамъ, въ частности ученіе Сенеки о всеобщей любви и равенствѣ всѣхъ людей, о благотворительности, о гуманномъ отношеніи къ рабамъ, объ отношеніи человѣка къ своему государству и семьѣ. Въ заключеніе этой части авторъ дѣлаеть общіе выводы изъ всего, изложеннаго въ первыхъ трехъ главахъ, причемъ констатируетъ фактъ высоты и чистоты многихъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній Сенеки, откуда естественно возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ язычникъ, не знавшій истинной религіи, могъ проповѣдывать такія высокія и чистыя идеи, и не есть ли это результатъ знакомства его съ христіанствомъ? Рѣшеніе этого вопроса составляетъ предметъ второй части, состоящей изъ двухъ главъ, которымъ предпосылается краткая исторія вопроса объ отношеніи Сенеки и его религіозно-нравственныхъ воззрѣній къ христіанству. Въ этой части авторъ даетъ отрицательный отвѣтъ на вопросъ 'о вліяніи христіанства на воз-

зрѣнія Сенеки. Къ такому рѣшенію онъ приходитъ сначала отрицательнымъ путемъ, именно чрезъ выясненіе отчасти несостоятельности, а отчасти недостаточности тѣхъ доводовъ, на которыхъ основывается мнѣніе о знакомствѣ Сенеки съ христіанствомъ, а затѣмъ положительнымъ путемъ, именно чрезъ выясненіе принципиальнаго различія между религіозно-нравственными воззрѣніями Сенеки и христіанствомъ, и чрезъ сопоставленіе тѣхъ воззрѣній Сенеки, которыя въ особенности отличаются возвышенностію и чистотою, съ воззрѣніями предшествующихъ философовъ, и въ частности Сократа, Платона и Цицерона. На основаніи этого сопоставленія авторъ „категорически и рѣшительно утверждаетъ, что въ воззрѣніяхъ Сенеки нѣтъ положительно ничего, чего нельзя бы было объяснить изъ предшествующей философіи и для чего нужно бы было искать новаго источника происхожденія (стр. 484)“.

Изъ представленнаго нами краткаго обзора содержанія разсматриваемаго сочиненія видно, что авторъ относитъ къ своей задачѣ съ полною серіозностію; онъ даетъ широкую постановку темъ и изслѣдуетъ предметъ обстоятельно, основательно и строго-научно. Въ своемъ трудѣ онъ обнаруживаетъ основательное изученіе обширной литературы предмета и въ особенности сочиненій Сенеки и полное знаніе дѣла, зрѣлость мысли, критическій тактъ и способность къ серіознымъ научно—литературнымъ работамъ. Сочиненіе написано по хорошему, строго обдуманному плану; оно весьма содержательно и читается съ живѣйшимъ интересомъ. Авторъ, видимо, работалъ надъ темою съ особеннымъ усердіемъ и любовію, вслѣдствіе чего и могъ написать столь солидный трудъ въ тотъ короткій срокъ, какой былъ въ распоряженіи автора. Но спѣшность работы, обусловленная этимъ срокомъ, не могла не отразиться и, дѣйствительно, отразилась на сочиненіи къ невыгодѣ послѣдняго. Происшедшіе вслѣдствіе этого недостатки, впрочемъ, не существенны; они касаются главнымъ образомъ внѣшней стороны и легко могутъ быть устранены. Въ виду того,

Протоколы.

что рассматриваемое сочинение можетъ, по исправленіи и напечатаніи, составить цѣнное пріобрѣтеніе для нашей богословско-философской литературы и дастъ автору степень магистра богословія, мы считаемъ не излишнимъ указать на нѣкоторыя изъ этихъ недостатковъ, и прежде всего на нѣкотораго рода какъ бы шаткость или непоследовательность въ сужденіяхъ автора. Такъ, онъ то ставитъ нравственный характеръ Сенеки на очень высокій уровень, то, повидимому, низводитъ его съ этого уровня и уличаетъ Сенеку въ сдѣлкахъ съ своею совѣстью и т. под.; то признаетъ нѣкоторыя изъ нравственныхъ идей Сенеки чистыми и возвышенными, то какъ бы отрицаетъ не только чистоту и возвышенность, но даже и нравственный характеръ ихъ; то признаетъ нѣкоторыя изъ этихъ идей заимствованными Сенекою изъ глубины своего ума и сердца и, слѣдовательно, оригинальными, то объясняетъ ихъ изъ предшествующей философіи и утверждаетъ, что въ его воззрѣніяхъ нѣтъ ничего новаго; то указываетъ на связь нравственныхъ воззрѣній Сенеки съ религіозными воззрѣніями его, то, повидимому, отрицаетъ эту связь и называетъ религіозныя указанія въ этикѣ Сенеки пустыми фразами, и т. под. Впрочемъ эти и т. под. непоследовательности скорѣе могутъ быть признаны внѣшними или кажущимися, нежели логическими или дѣйствительными,—онѣ объясняются, повидимому, лишь неточностію выраженій. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчается расплывчатость и встрѣчаются повторенія; языкъ по мѣстамъ не чуждъ шероховатостей; даже многія описки и орфографическія ошибки остались неисправленными. Что же касается самаго содержанія, то наименѣе обработанною осталась послѣдняя глава, какъ это отмѣчено и самимъ авторомъ. Конечно, „прослѣдить генезисъ идей Сенеки на всемъ протяженіи философской мысли“ было бы для автора, по справедливому замѣчанію его, непосильною работою (стр. 462) и, добавимъ отъ себя, даже не необходимою. Но и объясненіе тѣхъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній Сенеки, которыя въ особен-

ности отличаются возвышенностію и чистотою, изъ ученія Сократа, Платона и Цицерона едва ли можно признать достаточнымъ и даже правильнымъ. При дальнѣйшей обработкѣ сочиненія автору нужно будетъ поосновательнѣе ознакомиться съ эклектическимъ стоицизмомъ или ученіемъ римскихъ стоиковъ II—I в. до Р. Хр., которыхъ авторъ совсѣмъ упустилъ изъ вниманія, которые, безъ сомнѣнія, имѣли большое вліяніе какъ на современныхъ имъ, такъ на послѣдующихъ римскихъ мыслителей, и въ частности на Цицерона и Сенеку. Ознакомленіе съ эклектическимъ стоицизмомъ дастъ, безъ сомнѣнія, автору ключъ къ объясненію многаго изъ того, что въ сочиненіи или осталось недостаточно выясненнымъ и обоснованнымъ. Замѣтимъ также, что авторъ едва ли правъ, утверждая, что Цицеронъ въ особенности популяризовалъ идеи Платона, и признавая Сенеку прямымъ ученикомъ Цицерона. Цицерону едва ли можно приписать даже основательное изученіе философіи Платона. Къ такому заключенію, повидимому, приводитъ, по крайней мѣрѣ, тотъ фактъ, что, Цицеронъ нерѣдко смѣшиваетъ ученіе Платона съ ученіемъ другихъ философовъ. Какъ философъ, Цицеронъ былъ эклектикъ. Въ теоретической или спекулятивной области онъ слѣдовалъ главнымъ образомъ скептической школѣ новой академіи, а въ области практической отдавалъ предпочтеніе ученію стоиковъ и не столько древнѣйшихъ, сколько позднѣйшихъ, которые въ своихъ воззрѣніяхъ значительно уклонились отъ ученія древней стоической школы и между прочимъ усвоили нѣкоторыя идеи Платона. Отъ этихъ стоиковъ-эклектиковъ могли перейти къ Цицерону и Сенека нѣкоторыя изъ тѣхъ идей, которыя г. Фаминскій считаетъ заимствованными этими двумя мыслителями непосредственно у Платона. Отъ этихъ же стоиковъ могли перейти къ Сенека и нѣкоторыя изъ тѣхъ воззрѣній, которыя онъ признаетъ заимствованными Сенекою у Цицерона. Впрочемъ указанные недостатки нисколько не умаляютъ несомнѣнныхъ крупныхъ достоинствъ сочиненія г. Фаминскаго, которое можетъ быть при-

звано, по моему миѣнію, весьма хорошою кандидатскою диссертацией.“

30) О сочиненіи студента Петра *Филатова* на тему: „Краткая церковная російская исторія, сочиненная митрополитомъ Платономъ, въ связи съ предшествующею научною разработкою исторіи русской церкви. (Критико-библіографическій очеркъ)“.

а) Доцента, свящ. *Θ. Титова*:

„Краткая церковная російская исторія, сочиненная и впервые изданная м. Платономъ Левшинымъ въ 1805 году, представляетъ интересъ, прежде всего, какъ первый опытъ систематическаго изложенія русской церковной исторіи. Съ другой стороны, вниманіе изслѣдователя могутъ привлекать и нѣкоторыя внутреннія свойства этого труда. Наконецъ, и самое имя автора, извѣстнаго замѣчательными трудами въ исторіи нашей духовной науки, и время написанія исторіи (100 лѣтъ тому назадъ, начало XIX в.) заслуживаютъ вниманія изслѣдователя.“

Все это и послужило поводомъ къ предложенію темы подъ вышеуказаннымъ заглавіемъ для кандидатской диссертации.

Выполненіе задачи, требовавшейся предложенною темою, не смотря на свою видимую ограниченность, представляло немало трудностей.

Для того, чтобы правильно понять и уяснить значеніе исторіи русской церкви, сочиненной м. Платономъ Левшинымъ, необходимо было показать, что было сдѣлано у насъ для научной разработки исторіи русской церкви до м. Платона и чѣмъ могъ располагать этотъ послѣдній, въ качествѣ перваго историка, пожелавшаго дать научное систематическое изложеніе сего предмета.

Авторъ справился съ этою задачею довольно успѣшно.

Сочиненіе его, кромѣ предисловія, состоитъ изъ двухъ частей, изъ коихъ каждая, въ свою очередь, раздѣляется на двѣ главы.

Въ краткомъ предисловіи (стр. I—V) опредѣляются задача и планъ сочиненія.

Въ первой части сочиненія (стр. 1—124) обозрѣвается разработка науки русской церковной исторіи до м. Платона, причемъ въ первой главѣ сей части—дѣлается обзоръ памятниковъ письменности до XVIII в. въ отношеніи ихъ къ русской церковной исторіи (стр. 1—65), а во второй главѣ той-же части—исторіографія XVIII в., причемъ особенно обстоятельно характеризуется субъективное отношеніе историковъ XVIII в. къ вопросамъ церковной исторіи (стр. 66—124).

Вторая часть сочиненія (стр. 125—200) посвящена краткому очерку жизни м. Платона (стр. 125—145) и разбору его церковно-историческаго труда (стр. 146—200).

Между двумя частями сочиненія нѣтъ генетической связи, какая требовалась главною цѣлію автора. Отношеніе автора ко всѣмъ вообще трактуемымъ вопросамъ—внѣшнее, механическое.

Но, принимая во вниманіе, что сочиненіе даетъ полное и ясное представленіе о предметѣ и обнаруживаетъ усердное и внимательное отношеніе автора къ дѣлу, трудъ его можетъ быть признанъ вполне удовлетворительною кандидатскою диссертациею“.

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора, прот. І. Королькова:

„До XVI в. наши предки не знали (?) научнаго образованія. Только съ этого времени, съ заведеніемъ училищъ въ Кіевѣ, Львовѣ и другихъ городахъ южной Россіи, а въ XVII в. славяно-греко-латинской Академіи въ Москвѣ, явилась возможность получить научное образованіе путемъ болѣе или менѣе систематическаго изученія разныхъ наукъ. Неудивительно, по-

этому, что до времени появленія у насъ „Синописа“ (1674 г.) мы не имѣли систематическаго труда не только по церковной исторіи, но и по гражданской. Въ московской же Руси историческая наука начинаетъ развиваться только съ 18 вѣка“. Такъ начинаетъ авторъ свое сочиненіе. Изъ этихъ словъ его можно бы заключить, что онъ будетъ разсматривать церковно-историческіе труды нашихъ ученыхъ и писателей только 18 или же 17 вѣка, какъ бывшихъ ближайшими предшественниками московскаго митрополита Платона, автора „церковной російской исторіи“. Между тѣмъ г. Филатовъ значительно расширяетъ свое изслѣдованіе тѣмъ, что разсматриваетъ первоначальные источники, изъ которыхъ наши церковные историки и, между прочимъ, м. Платонъ заимствовали, или могли заимствовать свои свѣдѣнія. Такими источниками онъ считаетъ наши лѣтописи, житія святыхъ, хронографы и отдѣльныя сказанія современниковъ—очевидцевъ о прошлыхъ судьбахъ нашего отечества.

Разсмотрѣніемъ этихъ источниковъ и отношенія ихъ къ церковной исторіи авторъ занимается въ 1 главѣ первой части своего сочиненія. Не очень подробно, но довольно рельефно и основательно авторъ представляетъ характеристику означенныхъ источниковъ церковно-исторической науки.

Во второй главѣ разсматриваются историческіе труды писателей 18 вѣка (Татищева, Ломоносова, Ө. Эмина, Елагина, кн. Щербатова, Болтина), при чемъ авторъ въ особой главѣ изображаетъ „церковно-политическіе взгляды Щербатова и Болтина на значеніе въ государствѣ іерархіи и духовенства“.

Вторая часть сочиненія г. Филатова состоитъ изъ двухъ главъ: въ первой авторъ представляетъ краткій очеркъ жизни Платона, митрополита Московскаго, во второй—дѣлаетъ разборъ церковной исторіи этого святителя. Біографическія свѣдѣнія о м. Платонѣ составлены авторомъ довольно старательно; изложены ясно, стройно и послѣдовательно. Анализъ церковной исторіи—главный предметъ изслѣдованія, представленъ г. Филатовымъ умѣло и толково, съ надлежащимъ критическимъ

освѣщеніемъ, но, къ сожалѣнію, недостаточно полно и обстоятельно.

На такомъ важномъ трудѣ, какъ церковная исторія м. Платона, слѣдовало бы остановиться подольше и разобрать его подробно. Впрочемъ, не смотря на этотъ недостатокъ, прошедшій, вѣроятно, отъ недостатка времени, трудъ г. Филатова, обличающій въ авторѣ мысль довольно крѣпкую и самостоятельную, можно признать совершенно удовлетворительнымъ для степени кандидата богословія“.

31) О сочиненіи студента Якова *Филатова* на тему: „Взглядъ первыхъ славянофиловъ на отношеніе между церковію и государствомъ“.

а) Экстраординарнаго профессора В. Завитневича:

„Наши первые славянофилы свои воззрѣнія по вопросу объ отношеніи между церковью и государствомъ высказывали въ отдѣльныхъ трактатахъ, въ небольшихъ замѣткахъ, случайно брошенныхъ при обсужденіи другихъ сродныхъ вопросовъ, и даже въ художественныхъ произведеніяхъ. Автору предстояла задача собрать этотъ разрозненный матеріалъ, изучить его и привести въ стройную систему. Для выполненія этой задачи г. Филатовъ избралъ слѣдующій планъ. Въ первой главѣ онъ устанавливаетъ норму отношеній между церковью и государствомъ, какъ понимали ее славянофилы; такая норма выводится изъ понятія объ этихъ институтахъ, сущность которыхъ тутъ же выясняется. Въ виду разногласія въ этомъ пунктѣ между И. В. Кирѣевскимъ и А. И. Кошелевымъ, тутъ же дѣлается анализъ полемики между ними. Въ слѣдующихъ главахъ излагается взглядъ славянофиловъ на дѣйствительныя отношенія между церковью и государствомъ, какъ они сложились исторически на Западѣ—глава II, и въ Россіи—глава III. Въ заключеніе дѣлается краткій выводъ изъ сказаннаго.

Духъ славянофильскихъ воззрѣній на данный вопросъ понять авторомъ вѣрно, источники изучены достаточно, разумно избранный планъ далъ возможность изложить мысли въ естественной системѣ, вытекающей изъ существа предмета. Отъ критической оцѣнки славянофильскихъ воззрѣній авторъ осторожно отказывается, что и понятно въ виду некомпетентности молодой мысли въ оцѣнкѣ такого сложнаго и труднаго вопроса.

Слабую сторону настоящаго труда составляетъ недостаточная переработка матеріала. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно во II-й главѣ, изученный авторомъ матеріалъ недостаточно проанализированъ, необходимы для уясненія вопроса понятія изъ приводимыхъ текстовъ не извлечены и не отгѣнены; окончательный выводъ сдѣланъ слишкомъ сжато и поэтому недостаточно полно представляетъ основныя положенія славянофильскихъ взглядовъ на изслѣдуемый вопросъ.

Для полученія кандидатской степени считаю сочиненіе г. Филатова достаточнымъ“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора П. Линицкаго:

„Въ сочиненіи этомъ авторъ излагаетъ, отчасти своими словами, но чаще словами самихъ писателей славянофиловъ, различные взгляды и мнѣнія этихъ писателей по вопросу объ отношеніи между церковью и государствомъ. Если авторъ, не довѣряя себѣ, воздержался отъ критическаго разбора изложенныхъ имъ разсужденій, то противъ этого ничего нельзя сказать. Но въ видахъ разъясненія этихъ разсужденій все же слѣдовало бы обратить вниманіе на то, что первые славянофилы, съ которыми авторъ имѣетъ дѣло, неодинаково понимали самое государство, рѣшая вопросъ объ отношеніи между церковью и государствомъ. Сверхъ того, нѣкоторыя критическія замѣчанія сами собой представляются, при общемъ обзорѣ славянофильскихъ разсужденій по означенному вопросу. Такъ, напр., отношеніе между церковью и государствомъ, существовавшее у насъ отъ начала принятія христіанства до половины XV в.,

славянофилы признавали нормальнымъ. Состояло же это отноше-
 ніе въ томъ, что, будучи независимою отъ власти государ-
 ственной, церковь стремилась къ тому, чтобы эту власть сдѣ-
 лать единою и всеобъемлющею, и дѣйствительно, своимъ могу-
 чимъ вліяніемъ способствовала достиженію этой цѣли: такъ
 называемое собираніе земли русской совершилось, какъ извѣстно,
 главнымъ образомъ при содѣйствіи церкви. Но дальнѣйшимъ
 послѣдствіемъ осуществленія этой цѣли, которая была столь
 желательна для самой церкви, является подчиненное отношеніе
 церкви къ государству, Между тѣмъ это неминуемое послѣд-
 ствіе того, къ чему стремилась сама церковь, и за что славяно-
 филы восхваляютъ оную, ими осуждается. На какомъ основа-
 ніи? На томъ, что въ началѣ церковь была независимою отъ
 государства; таковою же, по мнѣнію славянофиловъ, она долж-
 на была оставаться и потомъ, когда власть государственная
 сдѣлалась единою и самодержавною. Но сами же славянофилы
 указываютъ на то, что условіемъ этой первоначальной независи-
 мости церкви отъ государства была „унизительная для достоин-
 ства церкви зависимость отъ Константинопольскаго патріарха“,
 а еще хуже то, что опорой этой мнимой самостоятельности
 церкви было покровительство ей со стороны татарскихъ хановъ.
 Оказывается так. образомъ, что церковь русская не была само-
 стоятельною и независимою также и въ ту эпоху, когда отно-
 шеніе ея къ государству, по взгляду славянофиловъ, было
 нормальнымъ. Это нормальное отношеніе между церковью и
 государствомъ, по опредѣленію славянофиловъ, должно состоять
 въ томъ, чтобы церковь была самостоятельнымъ, независимымъ
 отъ государства, *организмомъ*, чтобы она была „государ-
 ствомъ въ государствѣ“, что уже противорѣчитъ, какъ
 сказано, единству государственной власти, къ чему стремилась
 сама церковь. Особенно же важно то, что съ такимъ понятіемъ
 о церкви, какъ въполнѣ самостоятельномъ и независимомъ отъ
 государства *организмъ*, несогласно требованіе самихъ славяно-
 филовъ, чтобы къ церкви принадлежали и составляли ее един-

ственно люди искренно убѣжденные и нелицемѣрно ей преданные; не обладающіе же таковыми качествами имѣли бы право во всякое время отдѣляться отъ церкви (свобода совѣсти). Такое требованіе, какъ само собою понятно, привело бы неминуемо на практикѣ къ индивидуализму, исключаящему собою всякую правильную общественную организацію. Искренность убѣжденія есть требованіе идеальное; обращать же идеаль въ прямое практическое установленіе значить уничтожать въ самомъ основаніи всякій общественный порядокъ; ибо таковой не можетъ прочно существовать тамъ, гдѣ устраняется понятіе обязанности, не зависимой отъ личнаго усмотрѣнія и произвола. Авторъ разсматриваемаго сочиненія, излагая разсужденія славянофиловъ о церкви и государствѣ, никакихъ такихъ замѣчаній не дѣлаетъ объ этихъ разсужденіяхъ, но и то, конечно, составляетъ нѣкоторую заслугу, что онъ далъ въ своемъ сочиненіи достаточно матеріала для безпристрастной оцѣнки славянофильскаго ученія по столь важному и коренному вопросу. Видно, что извлеченіе и приведеніе въ порядокъ этого матеріала, заключающагося въ сложныхъ и пространныхъ, иногда же случайныхъ разсужденіяхъ, разбросанныхъ притомъ, стоило автору не малаго труда. Посему слѣдуетъ признать сочиненіе студ. IV курса Якова Филатова подъ заглавіемъ: *взглядъ первыхъ славянофиловъ на отношеніе между церковью и государствомъ*, — заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

32) О сочиненіи студента Иліи Хаджикова на тему: „Проповѣди Фотія, патріарха Константинопольскаго“.

а) Доцента, свящ. А. Глаголева:

„Гомилетическія произведенія знаменитаго патріарха Константинопольскаго Фотія, по свидѣтельству автора, до послѣдняго времени не только мало подвергались ученому изслѣдованію, но и мало были извѣстны ученому міру. Только въ 1901-мъ году великій логоуетъ Великой Константинопольской

церкви Ставраки Аристархисъ составилъ полный сводъ всѣхъ разсѣянныхъ по различнымъ библіотекамъ востока и запада, словъ и бесѣдъ п. Фотія, числомъ 83, и издалъ ихъ на греческомъ языкѣ въ двухъ томахъ. На русскій же языкъ въ разное время переведено лишь одиннадцать проповѣдей. При такихъ условіяхъ первою задачею студента Хаджикова было ознакомленіе съ содержаніемъ проповѣдей, не переведенныхъ на русскій языкъ, и всѣхъ вообще гомилетическихъ трудовъ п. Фотія. Вторую задачу своего труда авторъ поставляетъ „въ пониманіи каждой проповѣди не какъ мертваго произведенія, а какъ живого церковно-историческаго слова, отмѣченнаго печатью личнаго генія“ (стр. VІІІ). Самому изслѣдованію предпослано введене—биографическій очеркъ личности п. Фотія со стороны умственнаго и нравственнаго его настроенія, поскольку оно выражалось въ проповѣдяхъ его. Первая часть сочиненія (стр. 46—301) посвящена обзорѣнію содержанія проповѣдей п. Фотія. Авторъ дѣлитъ ихъ на пять отдѣловъ, изъ которыхъ каждый разсматривается имъ въ особой главѣ: а) проповѣди на Господскіе и Богородичныя праздники; б) бесѣды нравоучительныя; в) бесѣды огласительныя; г) бесѣды, произнесенныя п. Фотіемъ на разные случаи изъ современной ему церковно-общественной жизни. Авторъ хорошо ознакомился со всѣми проповѣдническими трудами п. Фотія (56 изъ нихъ онъ имѣлъ только въ греческомъ подлинникѣ) и весьма умѣло изложилъ ихъ содержаніе; читается анализъ этотъ безъ утомленія, легко и съ интересомъ. Такъ что первая задача, поставленная себѣ авторомъ, выполнена имъ съ полнымъ успѣхомъ. „Характеристика п. Фотія, какъ проповѣдника“, составляющая вторую задачу авторскаго изслѣдованія, представлена имъ въ одной небольшой главѣ (VІ)—„въ качествѣ общаго впечатлѣнія отъ разсмотрѣнныхъ авторомъ трудовъ п. Фотія“ и имѣетъ, пожалуй, слишкомъ общій, отвлеченный характеръ. Намъ думается, что полная оцѣнка значенія п. Фотія, какъ проповѣдника, требовала отъ автора нѣкоторыхъ сопоставленій про-

повѣдей этого святителя съ отеческими проповѣдями золотого вѣка церковно-христіанской письменности: тогда опредѣлилась бы степень самостоятельности, оригинальности проповѣдническихъ трудовъ п. Фотія или степень зависимости его отъ предшествовавшихъ образцовъ. Но, разумѣется, при короткомъ срокѣ времени, какимъ располагалъ нашъ авторъ, это было не выполнимо.

Во всякомъ случаѣ и въ настоящемъ своемъ видѣ сочиненіе студента Хаджикова производитъ весьма доброе впечатлѣніе и безспорно отвѣчаетъ ближайшей цѣли своего написанія“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора А. Розова:

„Авторъ настоящаго сочиненія, по его словамъ (стр. VII—VIII предисловія) собирался дать наукѣ нѣчто совершенное: мечталъ „имѣть безукоризненный, стоящій выше всякой критики, переводъ проповѣдей патр. Фотія“, равн. обр. „рѣшить въ совершенствѣ вторую задачу, состоящую въ ясномъ пониманіи каждой проповѣди не какъ мертваго произведенія, а какъ живого церковно-историческаго слова, отмѣченнаго печатью личнаго генія“. И только, сожалѣетъ онъ, недостатокъ сравнительно съ такими задачами свободнаго времени и отсутствіе надлежащаго количества пособій не дали ему полной возможности исполнить свое благое намѣреніе. Пришлось бы и намъ попечалиться за науку, если бы это было такъ. Но мы знаемъ, что для созданія научныхъ и литературныхъ шедевровъ, кромѣ присутствія тѣхъ виѣшнихъ условій, о которыхъ говоритъ авторъ, необходимо одно маленькое внутреннее условіе—наличность таланта у сочинителя и что безъ этого послѣдняго условія какъ бы иной желающій плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ ни сядилъ, все бы въ музыканты не годился. И мы можемъ съ спокойною совѣстью умѣрить свою печаль, такъ какъ у автора настоящаго сочиненія такого условія не оказывается. Въ самомъ дѣлѣ, талантъ долженъ обладать ясностію и точ-

ностію мысли, ясною, опредѣленною и во всякомъ случаѣ правильною рѣчью, словомъ—быть господиномъ своихъ мыслей и своихъ словъ. У нашего же автора тамъ, гдѣ онъ предоставленъ вполне своимъ силамъ, напр. въ предисловіи и введеніи, и мысли и слова обнаруживаютъ явную склонность къ неповиновенію: мысли подчасъ путаются, слова нерѣдко складываются въ фразы, дающія очевидно иной смыслъ, чѣмъ какой хотѣлъ вложить въ нихъ авторъ. Къ счастью, такія мѣста составляютъ сравнительно малую часть сочиненія. Въ значительно большей части своей работы авторъ находился подъ добрымъ руководствомъ, именно Аристархиса, издателя словъ патріарха Фотія. Здѣсь авторъ является въ достаточной степени господиномъ своихъ мыслей и словъ, чтобы сочиненіе его оставляло въ читателѣ выгодное для себя впечатлѣніе, какъ содержаніемъ, такъ и языкомъ. Находясь подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, равно видя и цѣня большую тяжесть труда, понесенную авторомъ настоящаго сочиненія, я признаю послѣднее удовлетворительнымъ кандидатскимъ сочиненіемъ“.

33) О сочиненіи студента Василя *Хартіи* на тему: „Титъ, епископъ Бострійскій“.

а) И. д. доцента В. Экземплярскаго:

„Задача сочиненія г. Хартіи—представить очеркъ жизни и литературной дѣятельности неизвѣстнаго до сихъ поръ въ русской литературѣ Бострійскаго епископа Тита. Единственными источниками при написаніи авторомъ настоящаго сочиненія послужили „противоманихейскія слова“ святителя, приведенныя въ 18 томѣ „*Patrol. curs. compl.*“, и изслѣдованіе *Sickenberger's* „*Titus von Bostra Studien zu dessen Lukashomilien*“. Сочиненіе Зиккенбергера сослужило автору очень большую службу, познакомивъ его съ исторіей текста гомилій епископа Тита, съ существующими изданіями твореній этого святителя, общимъ содержаніемъ этихъ твореній и т. д. Автору

оставалось познакомиться лично съ противоманихейскими словами святителя и изложить въ систематическомъ порядкѣ его ученіе. Эту не сложную задачу авторъ и выполнилъ съ достаточнымъ успѣхомъ. Онъ представилъ краткую біографію епископа Тита на основаніи отрывочныхъ свѣдѣній, имѣющихся о жизни этого святителя; обозрѣлъ и изложилъ содержаніе его противоманихейскихъ словъ; представилъ на основаніи изслѣдованія Зиккенбергера очеркъ экзегетическихъ опытовъ епископа Тита, и въ заключеніи сдѣлалъ краткую характеристику его литературной дѣятельности, указавъ главныя достоинства его сочиненія и отмѣтивъ ихъ важное значеніе въ исторіи святоотеческой письменности. Въ приложеніи къ своему небольшому сочиненію г. Хартія предлагаетъ переводъ нѣкоторыхъ схолій епископа Тита на евангеліе Луки.

Какъ не трудно замѣтить, авторъ не задавался цѣлію представить обстоятельное и всестороннее изслѣдованіе о личности и твореніяхъ Бострійскаго епископа Тита. Сдѣлать это авторъ и не могъ при имѣющемся въ его распоряженіи ограниченномъ матеріалѣ. Поэтому понятно, что онъ вынужденъ былъ ограничиться заимствованіемъ нужныхъ ему свѣдѣній изъ вышеупомянутаго труда Зиккенбергера и даже далеко не всегда имѣлъ возможность провѣрить и критически оцѣнить представляемые послѣднимъ соображенія и выводы.

Такъ какъ нельзя поставить автору въ вину указанного ограниченія имъ задачи своего сочиненія, вслѣдствіе отсутствія въ распоряженіи автора нужнаго ему матеріала, то въ общемъ его сочиненіе можно признать отвѣчающимъ тѣмъ научнымъ требованіямъ, какія возможно предъявлять къ автору—студенту, пишущему на подобную тему. Поэтому, по моему мнѣнію сочиненіе г. Хартія можетъ быть признано вполне удовлетворительнымъ для полученія его авторомъ степени кандидата богословія“.

б) Экстраординарного профессора К. Попова:

„Въ четырехъ главахъ названнаго сочиненія изслѣдуются свѣдѣнія о жизни епископа Тита (1-я гл., стр. 1—19), подробно разсматриваются его антиманихейскія *слова* (II, 20—115), обозрѣваются катены и рукописи, содержащія въ себѣ фрагменты толкованій Тита на св. Писаніе (113—160), и предлагается характеристика Тита, какъ толкователя св. Писанія (161—181). Заключеніемъ сочиненія служить обобщеніе всего, сказаннаго авторомъ о богословскихъ воззрѣніяхъ еп. Тита; въ приложеніи данъ русскій переводъ схолій Тита на еванг. Луки (189—207). Сочиненіе г. Хартіи представляетъ собою, во всѣхъ своихъ частяхъ, обстоятельное изслѣдованіе всего матеріала, относящагося къ Титу, епископу Бострійскому; но особенно интересно должно считать обширную 2-ю главу, заключающую въ себѣ систематическое изложеніе и изъясненіе воззрѣній еп. Тита, относящихся къ философскимъ и богословскимъ вопросамъ, возбужденнымъ манихеями. Вообще же сочиненіе В. Хартіи и по содержанію, и по изложенію и по научной обработкѣ предмета должно признать вполне заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

34) О сочиненіи студента Модеста *Хмѣлевскаго* на тему: „Значеніе Византіи въ исторіи просвѣщенія и литературы древней Руси“.

а) И. д. доцента П. Кудрявцева:

„Сопоставленіе заглавія сочиненія („Значеніе Византіи въ исторіи просвѣщенія и литературы др. Руси“) съ его оглавленіемъ (гл. первая: культурное состояніе Византіи съ IX по XVI в., гл. 2-ая: значеніе Византіи въ исторіи русской культуры въ до-христіанскую эпоху; гл. 3: значеніе христіанства въ исторіи духовнаго просвѣщенія др. Руси; гл. 4-ая: значеніе Византіи въ исторіи древне-русскаго права; гл. 5-ая: значеніе Византіи

въ развитіи идеи царской власти въ др. Руси; гл. 6-ая: значеніе Византіи въ исторіи русскаго искусства) приводитъ къ тому выводу, что авторъ расширилъ свою тему. Въ этомъ еще больше убѣждаетъ ближайшее ознакомленіе съ содержаніемъ сочиненія: оно показываетъ, что авторъ писалъ о культурномъ значеніи Византіи въ исторіи др. Руси. О такомъ расширеніи темы можно было бы и не говорить, если бы оно не представляло нѣкоторой опасности для любознательнаго автора, склоннаго привлекать къ разсмотрѣнію самыя разнообразныя матеріи, хотя бы самымъ отдаленнымъ образомъ соприкасающіяся съ обширнымъ предметомъ его изслѣдованія. Отмѣченная склонность выразилась въ томъ, что авторъ иногда уклоняется въ сторону даже отъ расширенной имъ темы; такъ, во второй главѣ онъ говоритъ не о византійскомъ только, но и о германскомъ вліяніи на русскую культуру до-христіанской эпохи, а во второй главѣ, отличающейся особенно сложностью содержанія, трактуетъ о просвѣтительномъ вліяніи Запада на Русь (прежде всего юго-западную) больше, чѣмъ это требуется существомъ дѣла. Если бы авторъ строже держался въ предѣлахъ темы, тогда ему легче бы было расположить собранный имъ богатый и разнообразный матеріалъ въ строго-логической послѣдовательности, которая теперь далеко не всегда соблюдается: при чтеніи сочиненія г. Хмѣлевскаго нерѣдко наталкиваемся на неожиданные переходы отъ одной мысли къ другой (типическимъ образцомъ авторской манеры излагать мысли могутъ служить страницы 180—181). Вѣроятно, тогда было бы больше времени поработать надъ отдѣлкой слога, который въ этомъ очень и очень нуждается.

Есть однако въ содержаніи сочиненія и пробѣлы. Авторъ работалъ надъ вопросомъ, который раньше былъ предметомъ изслѣдованія въ историческихъ курсахъ и спеціальныхъ монографіяхъ. Въ виду этого естественно ожидать отъ молодого изслѣдователя, взявшагося за новую переработку стараго вопроса, что онъ дастъ въ своемъ сочиненіи такой обзоръ посвященной

вопросу литературы, который далъ бы возможность читателю ознакомиться съ основными направленіями въ рѣшеніи вопроса. Хорошо сознавая это требованіе, авторъ во введеніи къ сочиненію даетъ обзоръ литературы вопроса, но такой обзоръ, который слишкомъ мало даетъ читателю, не смотря на то, что и здѣсь есть обычныя для автора излишества. Здѣсь мы читаемъ о томъ, что „основнымъ принципомъ является у него (у Карамзина въ „Исторіи“) идея единства русской земли“, что „картинность и художественность изложенія вредить (sic) часто критическому анализу“, что „его многочисленныя научныя примѣчанія очень цѣнны“ (стр. 14), и... ни слова о значеніи Карамзина въ разработкѣ изслѣдуемаго вопроса! Или вотъ отзывъ объ „Исторіи русской церкви“ М. Макарія: „Преосвященный Макарій идеализируетъ византійское вліяніе на Русь. Всесторонность его объясняетъ высотой формы принятаго русскими христіанства. Его исторія, доведенная до XVI вѣка“ (это—замѣчу въ скобкахъ—невѣрно), „въ высшей степени драгоценна. Въ ней впервые напечатаны многіе памятники старинной русской письменности“ (18). О драгоценности труда М. Макарія можно бы было и не говорить, а его взглядъ на значеніе Византіи въ исторіи Руси надо бы выразить полнѣе. Вообще авторъ далъ такой обзоръ литературы по данному вопросу, который мало отвѣчаетъ своему назначенію.

При всемъ томъ нельзя не признать сочиненіе г. Хмѣлевскаго трудомъ весьма содержательнымъ и не менѣе того добросовѣстнымъ. Авторъ много работалъ надъ своимъ сочиненіемъ: онъ перечиталъ цѣлую бібліотеку историческихъ матеріаловъ, курсовъ, монографій и т. п. Онъ обнаружилъ широкое знакомство съ литературой ученой (богословской и свѣтской) и художественной. Онъ собралъ въ своемъ сочиненіи богатѣйшій матеріалъ по данному вопросу, и хотя въ богатомъ разнообразіи собраннаго матеріала кое что оказывается излишнимъ, это не отнимаетъ у него цѣнности. При этомъ автору, работавшему въ началѣ 20-го вѣка, удалось воспользоваться такими данными,

которые не были (да и не могли быть) въ распоряженіи ни Иконникова, ни Терновскаго. Вообще сочиненіе г. Хмѣлевскаго даетъ читателю очень много цѣнныхъ свѣдѣній по изслѣдуемому вопросу. Къ этому нужно прибавить, что авторъ съ любовью работалъ надъ такимъ вопросомъ, который, очевидно, имѣлъ для него не одно только теоретическое значеніе. Все это даетъ автору полное право на полученіе степени кандидата богословія“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Малинина:

„Сочиненіе студента Хмѣлевскаго распадается на введеніе, шесть главъ изслѣдованія и заключеніе.

Во введеніи авторъ старается выяснить значеніе Византіи и ея образованности для Россіи путемъ анализа воззрѣній славянофиловъ и западниковъ на этотъ предметъ. Мнѣнія однихъ и другихъ изложены не достаточно полно и точно; но начитанность автора въ затронутомъ вопросѣ безспорна.

Въ первой главѣ авторъ старается доказать высоту византійской образованности въ IX—XVI вв., въ пору наибольшаго вліянія Византіи на Русь. Во второй главѣ разсматривается вліяніе Византіи на Русь въ дохристіанскую эпоху, въ третьей главѣ авторъ старается выяснить важное значеніе Византіи въ исторіи духовнаго просвѣщенія древней Руси; глава четвертая посвящена выясненію значенія Византіи въ развитіи на Руси правовыхъ нормъ и отношеній; въ главѣ пятой рѣчь идетъ о вліяніи Византіи на развитіе идеи и формъ царской власти на Руси и наконецъ въ шестой главѣ указывается значеніе Византіи въ исторіи русскаго искусства.

Какъ видно, авторъ широко поставилъ задачу своего изслѣдованія. Для выполненія этой задачи ему потребовалось пересмотрѣть многочисленный матеріалъ, открытый и открываемый въ области затронутыхъ имъ вопросовъ, изучить многое изъ того, что добыто многочисленными изслѣдованіями по исторіи образованности и письменности древней Руси. Трудолюбіе ав-

тора и его интересъ къ дѣлу стоять внѣ всякаго сомнѣнія. Видно и умѣніе автора разобраться среди многочисленныхъ научныхъ выводовъ, порой различныхъ до противоположности. Авторъ съ полнымъ уваженіемъ относится къ исторической миссіи Византіи въ Россіи, какъ насадительницы православія, непоколебимо вѣруетъ въ историческое преимущество послѣдняго предъ католицизмомъ и въ его соотвѣтствіе основамъ русскаго духа и исторической жизни русскаго народа. Многочисленный научный матеріалъ, бывшій подъ руками автора, иногда увлекаетъ его, а потому мѣстами замѣчается излишняя полнота въ передачѣ частныхъ. Отсюда же происходитъ и то, что слогъ автора не всегда отличается точностью и сжатостію. Встрѣчаются и повторенія. Но недостатки этого рода почти неизбѣжны въ работѣ обширной (400 стр.), отчасти спѣшной по условіямъ времени, которое было въ распоряженіи автора, — въ работѣ, въ которой интересъ къ дѣлу подавляетъ спокойное отношеніе къ формальной сторонѣ сочиненія.

На основаніи сказаннаго я нахожу диссертацию студента Хмѣлевскаго трудомъ добрымъ и вполне заслуживающимъ при- сужденія искомой степени“.

35) О сочиненіи студента Павла *Чернецкаго* на тему: „Исусъ Навинъ и его время“.

а) Доцента В. Рыбинскаго:

„Сочиненіе г. Чернецкаго, небольшое по объему, состоитъ изъ введенія и трехъ главъ изслѣдованія. Во введеніи авторъ трактуетъ о книгѣ Исуса Навина, какъ главномъ источникѣ для изображенія избраннаго для изслѣдованія библейскаго періода. Изложивъ существующіе въ западной наукѣ взгляды и книгу Исуса Навина и составляемыя на основаніи ихъ представленія о завоеваніи евреями Палестины, авторъ подвергаетъ ихъ критикѣ и доказываетъ строго историческій характеръ повѣствованія названной книги. Въ первой главѣ сочиненія дается

краткое описаніе Палестины, указываются ея судьбы съ древнѣйшихъ временъ, и уясняется состояніе предъ вступленіемъ въ святую землю евреевъ. Вторая глава сочиненія излагаетъ ходъ завоеванія Палестины Іисусомъ Навиномъ и третья—раздѣленіе ея между колѣнами. Изложеніе это ведется въ порядкѣ библейскаго повѣствованія, причемъ авторъ разъясняетъ возбуждаемыя повѣствованіемъ недоумѣнія, защищаетъ его отъ возраженій отрицательной критики и устанавливаетъ мѣстоположеніе упоминаемыхъ въ немъ палестинскихъ городовъ.

Нельзя сказать, чтобы г. Чернецкій исчерпалъ весь относящійся къ темѣ сочиненія матеріалъ: нѣкоторые пункты не затронуты имъ совсѣмъ, другіе раскрыты не достаточно точно и тщательно. Тѣмъ не менѣе, сочиненіе и въ настоящемъ видѣ имѣетъ значительную цѣнность. Изслѣдуемая въ сочиненіи эпоха понята правильно и въ общемъ освѣщена ярко. Литература предмета изучена авторомъ хорошо. Сочиненіе отличается цѣльностью и законченностью; выраженіе мыслей стройное, языкъ простой и правильный. Сочиненіе вообще свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ можетъ владѣть перомъ очень хорошо и степени кандидата вполне заслуживаетъ“.

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора Ѳ. Покровскаго:

„Авторъ не указываетъ задачи своего сочиненія. Во введеніи къ нему вмѣсто обычно рѣшаемыхъ здѣсь вопросовъ онъ говоритъ о книгѣ Іисуса Навина, какъ главномъ источникѣ для изображенія времени Іисуса Навина, объ ея происхожденіи и составѣ, при чемъ попутно излагаетъ нѣкоторыя мнѣнія о способѣ завоеванія Ханаанской земли евреями, не согласныя съ библейскимъ о томъ представленіемъ. Доказываемая авторомъ подлинность и достовѣрность книги Іисуса Навина должна доказывать, по нему, несостоятельность приведенныхъ имъ мнѣній. Въ первой главѣ изслѣдованія говорится о землѣ Ханаанской, ея жителяхъ и политическомъ ея состояніи до царствова-

нія Сети II, фараона 19 династїи, при которомъ, по мнѣнію автора, евреи завоевали Ханаанскую землю. Во второй главѣ излагается подробно исторія завоеванія Ханаанской земли; въ третьей—исторія ея раздѣленія между израильскими колѣнами. Изложеніе той и другой исторіи сопровождается надлежащими разъясненіями—географическими и археологическими, въ болѣе важныхъ случаяхъ приводятся и иногда разбираются критически мнѣнія иномыслящихъ. О политическомъ состояніи Ханаана говорится на основаніи Библии и данныхъ египтологіи. Вообще съ принятой авторомъ точки зрѣнія на задачу своего сочиненія оно написано очень хорошо. Но въ настоящее время вопросъ объ Иисусѣ Навинѣ и его времени требовалъ бы нѣсколько иной постановки дѣла,—именно, въ виду существующихъ разнообразныхъ мнѣній о времени и способѣ завоеванія земли Ханаанской евреями, слѣдовало бы больше остановиться на опредѣленіи того и другого, чѣмъ дѣлаетъ это авторъ, а о способахъ завоеванія земли онъ говоритъ, по нашему мнѣнію, и совсѣмъ не тамъ, гдѣ слѣдовало бы. И его трактатъ о книгѣ Иисуса Навина во введеніи для предположенной авторомъ цѣли недостаточенъ: книга Иисуса Навина требуетъ для себя особаго изслѣдованія, да и не малаго. При всемъ томъ сочиненіе г. Чернецкаго, какъ диссертация на степень кандидата богословія, вполне удовлетворительно и можетъ быть признано даже очень хорошимъ“.

36) О сочиненіи студента Александра *Черняховскаго* на тему: „Православно-догматическое ученіе о таинствѣ брака“.

а) Экстраординарнаго профессора Д. Богдашевскаго:

„Разсматриваемое сочиненіе написано ясно, складно, толково и въ добромъ духѣ и направленіи. Ничего новаго въ немъ нѣтъ, и это вполне понятно, ибо о бракѣ писано очень много въ нашей литературѣ,—въ положительномъ и полемическомъ духѣ, и авторъ только суммируетъ то, что онъ находилъ уже

готовымъ и обработаннымъ. Наиболѣе, такъ сказать, шаблоннымъ характеромъ отличается вторая глава: „о христіанскомъ бракѣ какъ таинствѣ“. Нѣкоторые проблески свѣжей мысли замѣчаются въ первой главѣ сочиненія, гдѣ говорится о происхожденіи, сущности и цѣли брака. Нельзя не отмѣтить, что авторъ широкообъщательно началъ эту главу съ изложенія взгляда эволюціонистовъ на бракъ, а критикуетъ этотъ взглядъ такъ: „Можно ли согласиться съ этимъ мнѣніемъ! Можетъ ли оно быть признано нами состоятельнымъ? Нѣтъ. Дѣло въ томъ, что подобное мнѣніе эволюціонистовъ противорѣчитъ ясному ученію Священнаго Писанія о происхожденіи брака“ (стр. 26). Конечно, такую критику никакихъ защитниковъ эволюціонной теоріи на бракъ не убѣдишь.

Основной недостатокъ сочиненія тотъ, какой вообще отличается подобнаго рода работы, именно отсутствіе надлежащаго экзегесиса. Такія мѣста Писанія, какъ „не вси вмѣщаютъ словесе сего“ (Матѣ. 19, 11), „блудодѣянія ради кійждо свою жену да имать“ (1 Коринѣ. 7, 2), „жена своимъ тѣломъ не владѣеть, но мужъ“ (1 Коринѣ. 7, 4) и т. п. считаются совершенно ясными, не заключающими никакихъ трудностей. Авторъ не остановился даже на изъясненіи такого мѣста, какъ Матѣ. 5, 32: „яко всякъ отпускай жену свою, развѣ словесе любодѣйнаго, творить ю прелюбодѣйствовати“, видно, что съ основательнымъ изслѣдованіемъ профессора Н. Н. Глубоковского о разводѣ по прелюбодѣянію онъ совершенно не знакомъ. Нѣтъ также въ сочиненіи никакой рѣчи о смѣшанныхъ бракахъ, т. е. разсмотрѣнія 1 Коринѣ. 7, 12—16.

Авторъ какъ бы забываетъ, что онъ пишетъ догматическій трактатъ, и отсюда такое обиліе въ сочиненіи нравственнаго момента,—частое пользованіе Мартенсеномъ и всякими проповѣдями. Въ главѣ третьей должна быть только рѣчь о существенныхъ свойствахъ христіанскаго брака, а между тѣмъ говорится и объ обязанностяхъ супруговъ.

Въ цитаціи авторъ не всегда точенъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ пользуется сочиненіемъ Н. Страхова, Христіанское ученіе о бракѣ, а цитуетъ „Священную Лѣтопись“ Властова (стр. 128—129).

Въ заключеніе нужно сказать, что студентъ Черняховскій очень удачно скомбинировалъ то, что нашелъ о бракѣ въ русской литературѣ, провѣривши при этомъ самостоятельно нѣкоторыя мѣста изъ свято-отеческихъ твореній. Сочиненіе написано хорошимъ языкомъ, съ одушевленіемъ и степени кандидата вполне заслуживаетъ“.

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Ястребова:

„Православно-догматическое ученіе о таинствѣ брака авторъ раскрываетъ въ четырехъ главахъ, изъ коихъ въ первой говорится о происхожденіи, сущности и цѣли брака, во второй на основаніи свящ. писанія и святоотеческихъ твореній доказывается благодатно-таинственный характеръ брака, въ третьей раскрываются существенныя свойства брака, какъ нерасторжимаго союза между однимъ мужемъ и одной женой, наконецъ въ четвертой говорится о дѣвствѣ и его достоинствѣ сравнительно съ бракомъ; въ коротенькомъ заключеніи дѣлается нѣсколько замѣчаній о существенныхъ отличіяхъ католическаго и протестантскаго ученія отъ ученія православнаго о бракѣ.

Предметъ темы обнять и раскрыть со всѣхъ своихъ сторонъ совершенно правильно на основаніи хорошо изученнаго матеріала, какой дается по этому предмету свящ. писаніемъ, святоотеческими твореніями и текущею богословскою литературой, и изложенъ безукоризненнымъ стилемъ. Какъ кандидатская работа, сочиненіе совершенно удовлетворительно“.

37) О сочиненіи студента Евгенія *Штангеева* на тему: „Отношеніе древнихъ евреевъ къ иноплеменикамъ (по Библии и по Талмуду)“.

а) Додента В. Рыбинскаго:

„Сочиненіе г. Штангеева состоитъ изъ небольшого введенія и трехъ главъ самаго изслѣдованія. Задачу свою авторъ поставляетъ въ томъ, чтобы выяснитъ воззрѣнія древнихъ евреевъ на иноплеменниковъ и практическое отношеніе къ послѣднимъ. Въ исторіи изслѣдуемаго вопроса авторъ различаетъ три періода: отъ временъ патріархальныхъ до учрежденія царской власти въ израильскомъ народѣ, отъ первыхъ царей до вавилонскаго плѣна и отъ вавилонскаго плѣна до заключенія Талмуда. Авторъ въ началѣ обзорѣнія каждаго указанного періода отмѣчаетъ важнѣйшія историческія обстоятельства, вліявшія на отношеніе евреевъ къ иноплеменникамъ, затѣмъ выясняетъ правовое положеніе поселившихся среди Израйля свободныхъ иноплеменниковъ и рабовъ, рассматриваетъ отношеніе къ иноплеменникамъ во время войнъ и, наконецъ, трактуетъ о миссіонерской дѣятельности евреевъ среди иноплеменниковъ. Послѣдній вопросъ подробно изслѣдуется для втораго и особенно третьяго періода. Общій взглядъ автора на изслѣдуемый имъ предметъ тотъ, что духъ нетерпимости и вражды къ иноплеменникамъ появился только въ концѣ библейскаго времени, подъ вліяніемъ разныхъ историческихъ условій; древнѣйшее же еврейство было чуждо этого духа и было проникнуто болѣе гуманными воззрѣніями, чѣмъ другіе народы древняго міра. Свои выводы авторъ вездѣ обосновываетъ на многочисленныхъ библейскихъ фактахъ, подвергая при этомъ критикѣ воззрѣнія, имъ не раздѣляемыя.

Сочиненіе г. Штангеева трудъ весьма добросовѣстный и умѣло составленный. Богатый матеріалъ, собранный авторомъ, очень хорошо расположенъ и правильно освѣщенъ. Литература предмета и источники старательно изучены. Мысли изложены простою и обработанною рѣчью. Въ общемъ сочиненіе производитъ очень хорошее впечатлѣніе и степени кандидата вполне заслуживаетъ“.

б) Заслуженнаго экстраординарнаго профессора *Θ. Покровскаго*:

„Отношеніе древнихъ евреевъ къ иноплеменникамъ авторъ дѣлитъ на три періода: 1) отъ начала еврейской исторіи до времени царей, 2) со времени учрежденія царской власти и появленія ряда пророковъ—писателей до плѣна и 3) со времени плѣна до окончательнаго обособленія евреевъ отъ иноплеменниковъ въ первые вѣка христіанства. Исходнымъ пунктомъ для автора является особое призваніе еврейскаго народа въ исторіи человѣчества—хранить истинную религію и съ теченіемъ времени сообщить ее другимъ народамъ. Этимъ двоякимъ назначеніемъ опредѣлялись уже съ самаго начала и нѣкоторая обособленность евреевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ общеніе съ другими народами. Въ первый періодъ евреи, для большаго утвержденія себя въ истинной религіи, нуждаются въ обособленіи; ихъ отношенія къ иноземцамъ опредѣляются простымъ сосѣдствомъ съ ними и, за исключеніемъ послѣднихъ лѣтъ пребыванія въ Египтѣ и времени завоеванія Ханаана, чужды враждебности, а также и заискиванія. Цари вступаютъ во враждебныя и мирныя сношенія съ иноземными народами и, имѣя надобность въ иноземцахъ для себя и своего государства, оказываютъ имъ большія сравнительно съ прежнимъ временемъ льготы; но въ это же время пророки возстаютъ противъ увлеченія иноземнымъ, собственно противъ предосудительнаго и вреднаго въ религіозно-нравственномъ отношеніи, хотя они же яснѣе и яснѣе говорятъ объ участіи язычниковъ въ благахъ мессіанскаго царства. Со времени вавилонскаго плѣна евреи вынуждены жить среди иноземцевъ и въ зависимости отъ нихъ, вынуждены болѣе чѣмъ прежде оберегать себя отъ ихъ вреднаго вліянія и съ теченіемъ времени мало по малу стали въ отрицательное отношеніе къ нимъ, горделиво ставя себя выше ихъ и всячески избѣгая соприкосновенія съ ними. Таковъ самый общій ходъ мыслей сочиненія. Отношенія евреевъ къ иноземцамъ въ каж-

дый періодъ разсмотрѣны подробно и съ различныхъ сторонъ. Ошибокъ, которыя можно бы отмѣтить, не много. Написано сочиненіе хорошимъ языкомъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что у автора были подъ руками хорошія пособія, одно изъ коихъ носить такое же самое заглавіе.

Какъ диссертация на ученую богословскую степень, сочиненіе г. Штангеева очень хорошее“.

38) О сочиненіи студента Александра *Явойскаго* на тему: „Богослужбное употребленіе Священнаго Писанія въ древней христіанской Церкви“.

а) Экстраординарнаго профессора Д. Богдашевскаго:

„Данная тема несомнѣнно небольшая по своему объему. Но, желая всячески расширить свое сочиненіе, авторъ дѣлаетъ къ нему введеніе, почти равное по количеству страницъ самому сочиненію (LCIII+121). Введеніе состоитъ изъ двухъ главъ: въ первой говорится о необходимости въ христіанствѣ религіознаго богослужбнаго культа (I—XLIX), во второй трактуется объ отношеніи христіанскаго богослужбнаго культа къ іудейскому храмовому и въ частности къ синагогальному богослуженію. Первая глава на столько обща по своему содержанію, что прямого отношенія къ предмету темы вовсе не имѣетъ и ничего въ немъ не уясняетъ. Что касается второй главы введенія, то она могла бы служить къ установленію основной, принципіальной точки зрѣнія на рассматриваемый предметъ, но въ ней главное и существенное не выдвинуто рельефно, теряется въ ненужныхъ частностяхъ и притомъ здѣсь иногда говорится о томъ, о чемъ должна быть рѣчь въ самомъ сочиненіи. Самъ авторъ откровенно сознается въ предисловіи къ сочиненію, что онъ „нѣсколько увлекся и растянулъ свое введеніе“, и оправдываетъ это тѣмъ, что „нѣтъ человека, совершеннаго подъ солнцемъ“ и что „даже въ трудахъ капитальныхъ мы постоянно наталкиваемся на разные недочеты“.

Самое сочиненіе состоитъ изъ трехъ главъ. „Первая глава трактуетъ о чтеніи Свящ. Писанія при богослуженіи въ древній періодъ христіанской церкви (1—33). Глава вторая отвѣчаетъ на вопросъ, въ какомъ порядкѣ у древнихъ христіанъ читалось Свящ. Писаніе (34—73). Писаніе, какъ предметъ проповѣди и, наконецъ, пѣнія, составляетъ содержаніе третьей и послѣдней главы (74—121)“.

И въ самомъ сочиненіи, а не во введеніи только, авторъ, выражаясь его словами, „нѣсколько увлекся“. Хотя третью главу онъ обозначаетъ такъ: „Писаніе, какъ предметъ проповѣди и, наконецъ, пѣнія“, но на самомъ дѣлѣ здѣсь просто излагается кратко исторія христіанской проповѣди, говорится о лицахъ проповѣдывавшихъ, о мѣстѣ и времени произнесенія проповѣди, о положеніи проповѣдниковъ и слушателей при произнесеніи проповѣдей,—говорится, однимъ словомъ, „обо всемъ“, но только не о томъ, что прямо относится къ дѣлу; въ рѣчи о пѣніи читаемъ о пѣніи речитативномъ и пѣніи унисонномъ (по сочиненію г. Металлова), но не находимъ вовсе внимательнаго изъясненія словъ Апостола: „во псалмѣхъ, и пѣніихъ, и пѣсняхъ духовныхъ“.

Въ предисловіи къ своему сочиненію авторъ жалуется на отсутствіе въ академической фундаментальной библиотекѣ относящихся къ предмету его темы трудовъ и журнальных статей. Упоминаетъ о томъ, что онъ напрасно израсходовался — выписалъ на свой счетъ сочиненіе: Bauerfeind, Das altkirchliche Perikopensystem der abendländischen Kirche, 1890, которое совершенно обмануло его надежды, „представивъ вмѣсто историческаго изслѣдованія западной перикопальной системы благочестивыя размышленія... на существующую въ римской церкви въ настоящее время перикопальную систему“. Что сочиненіе Bauerfeind'a ничего не могло помочь автору, это вѣрно; но, съ другой стороны, также вѣрно, что студентъ Явойскій

совершенно не знаетъ, что въ нашей библіотекѣ есть по предмету его темы: онъ не воспользовался ни однимъ хорошимъ курсомъ по исторіи апостольскаго вѣка, ему совершенно не извѣстны труды Креднера, Цана по исторіи новозавѣтнаго канона.

Къ труду Bauerfeind'a авторъ предъявляетъ совершенно законное требованіе „историческаго изслѣдованія“. Но именно этого „историческаго изслѣдованія“ въ работѣ автора нѣтъ, а между тѣмъ настоятельно необходимо было прослѣдить данный вопросъ именно по извѣстнымъ періодамъ. Новозавѣтный матеріалъ авторомъ совершенно не исчерпанъ. Такъ, нѣтъ никакого упоминанія о такихъ мѣстахъ, какъ Колос. 4, 16; 2 Петр. 3, 15. 16; не объяснены должнымъ образомъ такія мѣста, какъ 1 Коринѳ. 14, 26: *кійждо весь псаломъ имать*, Ефес. 5, 14. 19. Какъ смотрѣть на канонъ новозавѣтныхъ книгъ, находимый напр. въ фрагментѣ Мураторія,—есть ли это собраніе богодухновенныхъ книгъ, или же только книгъ, бывшихъ въ церковно-богослужебномъ употребленіи, этотъ вопросъ для автора не существуетъ. Не приняты также во вниманіе нужныя свидѣтельства Евсевія Кесарійскаго, Папія Геропольскаго.

Въ предисловіи къ своему сочиненію авторъ приносить благодарность такимъ почтеннымъ, давно уже умершимъ, ученымъ, какъ Люфть и Августинъ. Дѣйствительно ихъ трудами студ. Явойскій главнымъ образомъ пользовался, привлекая еще статью въ энциклопедіи Герцога о перикопальной системѣ и сочиненія г. Смирнова о христіанскомъ богослуженіи и г. Никитина объ іудейскихъ синагогахъ. Вообще матеріалъ, которымъ пользовался авторъ, очень скудный.

Принимая однако во вниманіе первую и вторую главу сочиненія, прямо относящіяся къ дѣлу и написанныя въ общемъ удовлетворительно, имѣя въ виду трудность темы и общую скудость матеріала для ея разработки, рецензентъ считаетъ воз-

можность признать настоящее сочинение заслуживающим кандидатской степени“.

б) Заслуженного ординарного профессора А. Розова:

„По прочтении сочинения г. Явойскаго остается впечатлѣніе, какъ будто авторъ почему то не смогъ или не съумѣлъ собрать фактическаго матеріала по предмету своей темы въ достаточно количествѣ, чтобы на основаніи его написать хотя бы самое маленькое курсовое сочинение и тогда въ отчаяніи рѣшилъ ввести въ кругъ своего изслѣдованія и побочные предметы, имѣющія какое либо, хотя бы и самое малое, отношеніе къ его темѣ, лишь бы только его произведеніе разбухло до сколько нибудь приличныхъ размѣровъ. И цѣли своей онъ достигъ. Но онъ отлично понималъ, что это составляетъ большой дефектъ его сочиненія, какъ это видно изъ его собственныхъ признаній, и справедливо опасался, что рецензенты за это его не похвалятъ. И вотъ онъ рѣшился скрасить указанный дефектъ выставкой своей начитанности въ изящной литературѣ и въ популярныхъ научныхъ сочиненіяхъ и своего знакомства съ волнующими образованное общество религіозно-нравственными вопросами, а также цвѣтами краснорѣчія—красивыми, эффектными и высокопарными фразами. Но по отсутствію ли у автора чувства мѣры или по невозможности для него, по недостатку времени, тщательно взвѣшивать и оцѣнивать включаемыя имъ въ сочиненіе мысли и фразы, только это средство возвышенія достоинства сочиненія оказалось обоюдо-острымъ оружіемъ. Правда, благодаря ему многія страницы сочиненія, даже написанныя не на тему, читаются не безъ удовольствія, такъ что охотно прощаешь автору уклоненія въ сторону отъ предмета. За то другія производятъ тѣмъ болѣе невыгодное для сочиненія впечатлѣніе и напрасными претензіями на высокоуміе и занимательность содержанія и высокопарностію, ходульністію, а то и непонятностію и странностію фразъ и оборотовъ рѣчи. Вообще же, читая настоящее сочиненіе, легко убѣждаешься

въ томъ, что авторъ его способенъ правильно мыслить и толково обсуждать научные предметы, равно и излагать свои мысли и свѣдѣнія удовлетворительно и даже красиво и эффектно; но только съ трудомъ приходишь къ признанію его удовлетворительнымъ кандидатскимъ сочиненіемъ“.

39) О сочиненіи студента свящ. Василія *Ярмолюка* на тему: „Молитвы въ первый день по рожденіи дитяти и при нареченіи ему имени. Чинъ воцерковленія дитяти. Оглашеніе. (Историческій очеркъ)“.

а) Экстраординарнаго профессора А. Булгакова:

„Трудъ о. Василія было бы правильнѣе дать названіе *хронологическаго обзрѣнія* сохранившихся до нашего времени памятниковъ, въ которыхъ содержатся названныя въ темѣ чино-послѣдованія, потому что авторъ собираетъ и сопоставляетъ ихъ по мѣрѣ ихъ происхожденія въ теченіе вѣковъ; но онъ не выясняетъ причины разнообразія и разногласія чино-послѣдованій и не объясняетъ условій ихъ развитія, а только передаетъ ихъ содержаніе. Такимъ образомъ трудъ его представляетъ скорѣе матеріалъ для историческаго очерка, приведенный въ хронологическій порядокъ: авторъ не дѣлаетъ историческихъ обобщеній и выводовъ; онъ только передаетъ факты и для объясненія ихъ дѣлаетъ нѣкоторыя предположенія. Но и въ этой своей формѣ трудъ о. Василія довольно большой, потому что ему необходимо было пересмотрѣть довольно значительное количество литургическихъ памятниковъ и сравнить ихъ содержаніе для опредѣленія различія и сходства между ними: онъ обзрѣваетъ памятники, относящіеся къ дѣлу, начиная съ древнѣйшихъ временъ до позднѣйшихъ.

Дѣленіе его сочиненія на части вполне естественное, соответствующее темѣ, а изложеніе по характеру своему напоминаетъ изложеніе церковнаго устава. Въ главѣ о нареченіи имени есть нѣсколько страницъ, которыя при всемъ интересѣ

ахъ по содержанію могли бы быть выпущены безъ ущерба для полноты сочиненія, потому что онѣ не имѣютъ прямого отношенія къ темѣ сочиненія.

Языкъ сочиненія правильный, хотя въ двухъ-трехъ мѣстахъ попадаются неправильныя грамматическія построенія и ошибки. Впрочемъ эти недостатки, не много умаляя достоинство труда о. Василія, не обезцѣниваютъ его и не лишаютъ автора возможности получить кандидатскую степень, ради полученія которой сочиненіе написано: для этой цѣли трудъ о. Василія можно признать удовлетворительнымъ“.

б) Ординарнаго профессора А. Дмитріевскаго:

„Въ русской литургической литературѣ уже имѣется специальная магистерская диссертация проф. Новороссійскаго университета А. И. Алмазова: *Исторія чинослѣдованій таинствъ крещенія и миропомазанія* (Каз. 1886 г.), въ которой подвергались историческому обозрѣнію тѣже составныя части нашего современнаго чина крещенія. Въ задачу о. Василю Ярмолюку ставилось, чтобы онъ, изучивъ трудъ своего предшественника, восполнилъ пробѣлы его на основаніи новыхъ данныхъ, обнародованныхъ въ свѣтъ, уже по выходѣ труда проф. Алмазова, и подвергъ возможной для него критической оцѣнкѣ тѣ положенія по указаннымъ вопросамъ, какія высказываются этимъ послѣднимъ безъ достаточныхъ основаній. Съ поставленною задачею о. Василій Ярмолюкъ справился, можно сказать, лишь *на половину*. Авторъ, дѣйствительно, изучилъ и весьма обстоятельно новый научный матеріалъ по даннымъ вопросамъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ рѣшеніи ихъ сдѣлавъ весьма замѣтный шагъ впередъ. Такъ, имъ самостоятельно и весьма подробно изучена историческая судьба молитвъ въ первый день дитяти по рожденіи, затронутая лишь слегка въ диссертациі г. Алмазова; не мало интересныхъ новыхъ данныхъ собрано и во второй главѣ по вопросу о двуименности у русскаго народа, но въ главахъ третьей—о воцерковленіи—и

четвертой—объ оглашеніи—о. Ярмолюкъ проявилъ мало самостоятельности и находится въ зависимости отъ труда своего предшественника.

Не обошлось дѣло безъ погрѣшностей и даже курьезовъ въ сочиненіи. Такъ, авторъ нашъ, по прежнему, продолжаетъ считать Алляціевскій ехлогій, обнародованный Яковомъ Гоаромъ, *памятникомъ XIII в.* (стр. 297), хотя нынѣ уже точно установлено, что онъ написанъ послѣ 1576 года *индиктіона 4*, которымъ датируется прощальная молитва, содержащаяся въ этомъ ехлогіи. Въ чинѣ оглашенія, совершавшимся въ древнее время въ великую пятницу и извѣстномъ по нашимъ славяно-русскимъ памятникамъ, онъ напелъ лишь „нѣкоторое сходство“ (стр. 319) съ подобнымъ чиномъ, практиковавшимся въ Великой церкви и изложеннымъ имъ подробно (стр. 261), тогда какъ въ дѣйствительности отношеніе между ними такое же, какое существуетъ между оригиналомъ и копіею или переводомъ. О. Ярмолюкъ совершенно не понялъ текста „устава, како творити оглашенника“, и говоритъ, что „временемъ удобнымъ для совершенія признавался моментъ въ чинѣ литургіи послѣ малаго выхода“ (стр. 321). Въ дѣйствительности же этотъ чинъ именно совершался только тогда, когда *не служилась литургія*, и изложеніе чина у о. Василія въ сочиненіи достаточно ясно говоритъ, что онъ находился въ связи съ чиномъ утренняго богослуженія, такъ какъ въ немъ упоминается о великомъ словословіи, о пѣніи Трисвятаго, прокимна, о совершеніи литаніи съ чтеніемъ молитвъ, среди которыхъ имѣются нынѣшняя 12 утрення свѣтильничная молитва и молитва на главопреклоненіе (тамъ же). Всѣ эти составныя части, какъ хорошо извѣстно автору—священнику, въ нашъ чинъ литургіи никогда не входили. Что же касается упоминанія здѣсь о *маломъ входѣ*, смутившемъ о. Василія въ данномъ случаѣ, то онъ въ древности, по типикону Великой церкви, постоянно практиковался на *утреннемъ богослуженіи* послѣ великаго словословія и удерживается въ нашемъ современномъ